

Костромская
СЛОБОДА

№2

2013

ЛЕТО

художественно-этнографический журнал

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЕ СЕЗОНА

- 5 Межрегиональный фестиваль «Мы с Ветлуги-реки».
- 10 Цвети, Кострома!
Проекты музея-заповедника «Костромская слобода».
- 13 Конкурс ландшафтного дизайна «Цветущий город».
- 16 Музей в меняющемся мире.
Семья крепка ладом.
- 22 Открытие. Волшебный мир родного слова.
- 25 Научные форумы.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

- 27 Крестьянское детство в XIX веке.
- 34 Костромские промыслы.
- 39 Была такая жизнь.
Мед – не только сладость.
- 44 Ручная работа. Костюм ветлужских черемисов.
- 51 Мастер-класс. Петровская игрушка.

КОСТРОМСКОЙ ФОЛЬКЛОР

- 55 «Во что влудиваются наши дети...».
Колыбельные, пестушки, порастушки.

РОДИНОВЕДЕНИЕ – ЭТНОВЕКТОР

- 61 Отход крестьян Костромской губернии на заработки.
- 68 Костромские амбары.
- 74 Заметки об экспедиции.
- 76 На стрелке рек Волги и Костромы.
Путешествие в XVI век.

На обложке: фольклорный ансамбль «Матица» сотрудников архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». 2013 год.

Событие сезона

Фестиваль «Мы с Ветлуги-реки»

Главным событием этого лета, безусловно, стал межрегиональный фестиваль «Мы с Ветлуги-реки», собравший в Шарье представителей всех районов Поветлужья из Костромской, Кировской, Нижегородской, Вологодской областей и республики Марий Эл. Ассоциация городов Поветлужья отметила в этом году своё 20-летие, в основу создания её положен бассейновый принцип: сюда входят муниципальные районы, которые расположены по Ветлуге и ее притокам, т. е. в бассейне реки. Объединить усилия территорий по защите больших и малых речек края от загрязнения, забота об их экологии – вот главная задача, которую пытается решить эта общественная организация. Этнографической составляющей традиционных фестивалей, а проводятся они уже 18 раз, является культурный обмен городов и районов Поветлужья: в них принимают участие сотни самодельных артистов, фольклорные коллективы, танцевальные ансамбли, работают выставки и вернисажи народного искусства, демонстрируются и продаются изделия предприятий народных промыслов и местных умельцев-ремесленников.

Вот и в этот раз всех порадовала «Мастерская слобода» – выставка-ярмарка изделий народных художественных промыслов районов «Поветлужья», которая развернулась в городском парке.

Чего здесь только не было и в самых искусственных техниках: резьба и роспись по дереву, художественная керамика, вышивка, кружеплетение, узорное вязание, плетение из бересты и многое-многое другое.

Выставка-ярмарка Поветлужья «Деревенская улица» дополнила это многообразие ремёсел, демонстрируя то, что хранится в сундуках из старого бабушкиного приданого и бережётся как семейная реликвия.

Здесь участники фестиваля познакомились с традиционными для ветлужской деревни яствами, шедеврами огородничества и кулинарии, пирогами на всякий вкус и смогли продегустировать домашнее пиво, которое в каждом районе варится по-особому.

На фестивале выступили лучшие коллективы северо-востока Костромской области, продемонстрировав свое творчество.

Праздничная колонна участников XIX Межрегионального фестиваля «Мы с Ветлуги-реки. Шарья. 2013 год.

Делегация Вохомского района. На переднем плане детский фольклорный коллектив «Ухажёрики», художественный руководитель В.С. Дворецкий.

Н.Ю. Барина, мастер по текстильной обереговой кукле. Шарьинский район.

П.Ю. Пивоваров, резчик по дереву Шарьинского центра народной культуры «Светлица».

Выставка-продажа работ А.Н. Гладышева, мастера плетения из бересты, п. Шекшема Шарьинского района.

ТРОИЦА НА СТРЕЛКЕ

Цикл летних праздников в «Костромской слободе» открыли «Зелёные святки – Троица на Стрелке»: участники всем миром украшали лентами берёзку-именинницу, реконструировали обряд праздничного обхода домов по деревне и прославления обрядового дерева, символизирующего вечное древо жизни.

Водились вокруг его хороводы, гости праздника участвовали в ритуале кумления и угощались троицкой яичницей. А на свадебной поляне прошло дефиле победительниц конкурса «Девья коса – честь и краса», они получали награды, продемонстрировав свои косы, причёски и народные костюмы.

На высоте оказалось профессиональное искусство участников конкурса из Академии красоты, парикмахерской «Полина».

Мастер-класс от Академии красоты. г. Кострома.

Фольклорный ансамбль «Матица» музея-заповедника. Художественный руководитель Е.Н. Любимова (в центре).

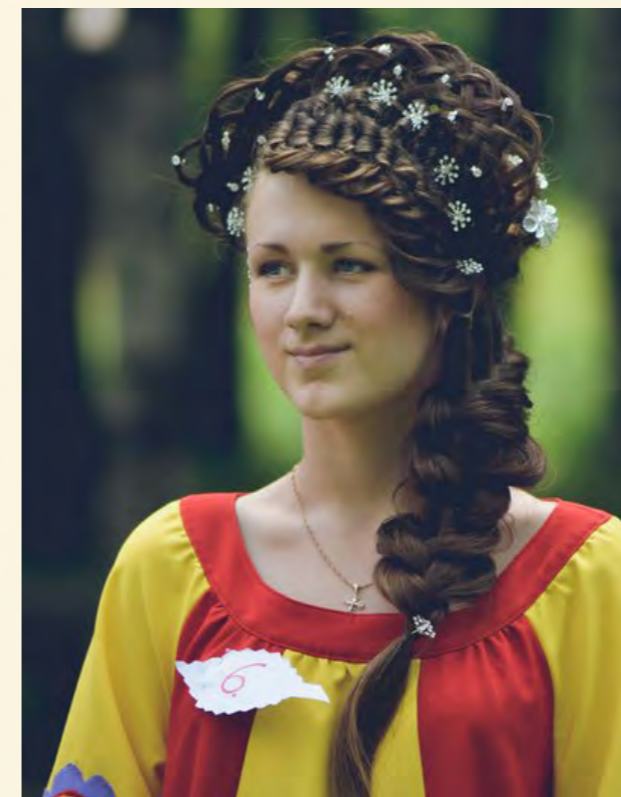
Участницы конкурса парикмахерского искусства.

Татьяна Ядовина, п. Красное-на-Волге. 1 место в конкурсе.

Кристина Харебова, г.Кострома. 2 место в конкурсе.

Марина Смирнова. Академия Красоты. 3 место в конкурсе.

А.А. Дружинин, художественный руководитель ансамбля «Венец», постоянный участник праздников в музее.

ЦВЕТИ, КОСТРОМА!

В августе на территории музея-заповедника «Костромская слобода» состоялся областной праздник «Цвети, Кострома», посвящённый дню рождения Костромской области. Главными событиями этого праздника стал концерт-презентация фольклорного сборника «Костромская частушка», куда вошли тексты, записанные в разное время у старожилов различных районов Костромской области.

Интересно было услышать их впервые за многие годы со сцены в исполнении фольклорных коллективов города Костромы и Костромской области.

Исполнители костромских плясовых, хоро-водных, исторических, беседных, обрядовых и эротических частушек получили в подарок от музея книжку, изданную музеем специально ко дню рождения области, иллюстрированную художником Ольгой Швейцер. В конкурсе авторской частушки приняли участие и зрители, их также нашли награды.

В рамках проведения Всероссийского фести-валя «Боевое ремесло» 24-25 августа на территории музея-заповедника «Костромская слобода» состоялось выступление фольклорного коллектива «Белый камень» из Москвы.

Фольклорный ансамбль «Венец» на открытии праздника в архитектурно-этнографическом и ландшафтном музее-заповеднике «Костромская слобода». 2013 год.

Концерт-презентация книги «Костромская частушка»

Александр Шишов, солист ансамбля «Золотые гармонии России».

Поют Альбина Коптева и Татьяна Малкова, разговорные частушки Костромского края.

Награждение исполнителей концерта-презентации книги «Костромская частушка».

Народный коллектив «Карусель», пос. Караваяво. Художественный руководитель Людмила Смирнова. Частушки плясовые и хоро-водные.

Инсталляция «Впечатление» Сергея Козлова

Ландшафтная инсталляция живописных работ «Впечатление», автор Сергей Козлов, член творческого союза независимых художников России, украсила этот праздник под открытым небом.

Многие зрители приценивались к тому, что им было по карману купить, другие просто радовались свету и цвету, звукам флейты Михаила Григорьева, артиста Костромской филармонии, дополняющим незабываемый солнечный день уходящего лета, катались на лодках по речке Игуменке, на берегу которой разместились выставка, и просто отдыхали.

Флейтист Михаил Григорьев открывает художественную инсталляцию «Впечатление» в музее-заповеднике.

Художник Сергей Козлов за мольбертом в музее-заповеднике «Костромская слобода». Выставка-инсталляция «Впечатление».

Конкурс «Цветущий город»

Флористический конкурс «Цветень» по традиции привлекает на ландшафтные праздники музея-заповедника «Костромская слобода» не только костромичей, но и гостей города из Иванова, Ярославля, Москвы, туристов из разных уголков нашей страны. Этим летом конкурс был посвящён дню рождения Костромы и назывался «Цветущий город». В нём приняли участие многие семейные пары. Победителями стала Ольга Фёдоровна Григорьева и её семья. Лучшим модельным дизайном и цветовыми композициями жюри конкурса назвало модель «Кострома» от магазина цветов «Дом Солнца»; букет «Пламя» Костромской станции юных натуралистов; цветочную композицию «Мир» ЦДО «Жемчужина».

Букет-победитель «Пламя». Станция юных натуралистов. Кострома.

Номинация «Композиция» – Мир увлечений. Центр дополнительного образования «Жемчужина».

Ландшафтная композиция «Истоки» семьи Бобковых, г. Москва.

Победительница конкурса «Модель» – образ Костромы. Магазин цветов «Дом солнца».

Встреча с театром «РЯД»

Спектакли исторического театра «РЯД» музея-заповедника «Костромская слобода» являются событием каждого праздника на территории музея. Когда Дом Липатова, где проходят обычно наши премьеры, не может вместить всех желающих, действие разворачивается под открытым небом на берегах речки Игуменки или посреди улицы уникальных памятников деревянного зодчества «Костромской слободы». Ко дню рождения области при участии ратоборческого клуба «БУЯН» был показан спектакль «Страницы истории» (режиссер и руководитель театра Т.Г. Ноздрин). Надо сказать, что это лето было для театра, участники которого самодеятельные артисты – в основном студенты, по-настоящему рабочим. Восстановлен с новым составом спектакль «Снегурочка», в репертуаре появились свежие постановки для молодого зрителя и детей. В конце июня по приглашению Кирилло-Бело-

зерского музея-заповедника в рамках акции «Белые ночи в музее» прошли удачные гастроли нашего театра. Вот, что пишут об этом коллеги из Кирилло-Белозерска:

«Сердечно благодарим коллектив исторического театра «Ряд» под руководством Татьяны Геннадьевны Ноздриной за великолепное выступление со спектаклем «Сказание о Петре и Февронии». На территории нашего музея такое выступление под открытым небом организовано впервые и по многочисленным отзывам зрителей оно стало ярким событием в жизни кирилловцев и гостей города. Исходя из удачного первого опыта совместной работы, предлагаем вам разработать гастрольный график выступлений исторического театра «Ряд» в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике на ближайшую перспективу.

*С уважением,
директор М.Н. Шаромазов».*

Фрагмент спектакля «Сказание о Петре и Февронии». Режиссер Т.Г. Ноздрин. Феврония – Марина Шумилова, Петр – Михаил Березовский. Постановка в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. 2013 год.

Музей в меняющемся мире

Семья крепка ладом

Музей-заповедник «Костромская слобода», изучая лучшие традиции и обычаи народной жизни, одной из своих главных задач считает необходимость утверждения непреходящей ценности семейных отношений, утраченной за последний постсоветский период.

Театрализованные представления, конкурсы по народному творчеству, спортивные состязания и мастер-классы по традиционным

народным ремеслам при непосредственном участии семейных пар, живущих в «любви и верности», – всё это составные части проекта «Семья крепка ладом», который пользуется большой популярностью у посетителей музея.

В этом году по отзывам посетителей музея им особенно понравился летний Праздник Семьи, Любви и Верности.

Семья Ждановых, новички проекта «Поле любви».

На детской программе в музее-заповеднике «Костромская слобода». Игра «Семья Я». 2013 год.

Семья Салмовых, участники праздника. Двадцатилетний юбилей совместной жизни.

Праздники каждый год могут быть разными: «Родословное древо», «Ссыпчина», «Троицкая яичница», «Птица счастья» и т.д. Уже одно то, что в проекте несколько лет подряд участвуют семьи, отметившие «золотые юбилеи» совместной жизни, а также награжденные медалями Правительства России многодетные семьи, воспитавшие 3, 4 и 8 детей, - дает положительные результаты. Ребята с удовольствием вливаются в большую семью

нашего проекта, находят здесь новых друзей. И молодые семейные пары становятся постоянными гостями музея. Так закладывается традиция посещения музея всей семьей. Здесь всегда желающие могут научиться чему-то новому: кому-то нравится мастерить кукол, других привлекают мастер-классы по гончарному делу или по плетению из ивового прута и бересты, а кто-то не прочь научиться традиционной кистевой костромской росписи.

Конкурс «Семейный оберег»

Работа Ольги Тихомировой. 1 место.

Работа Ольги Лапиной. 2 место.

Работа Светланы Беляевой. 3 место.

Автор проекта и ведущая – Марина Крылова.

На праздниках в слободе обязательно встретишь лучшие фольклорные и народные коллективы Костромы и области. Народные забавы крестьянского календаря перерастают в многолюдные народные гуляния, что ведёт к появлению новых сценических площадок на территории музея.

Проект также включает огородничество на специально выделенном участке музейной земли, получившем название «Поле любви». У всех участников проекта есть свой надел земли для обработки и выращивания на ней различных сельскохозяйственных культур, традиционных для натурального крестьянского хозяйства Костромской губернии – Костром-

ской области. Ежегодно 18 мая в Международный день музеев участники «Поля любви» знакомятся с «новичками» проекта, и в течение весны, лета и осени каждая семья (по выданным в мае пригласительным билетам) получает право бесплатно входа на территорию музея под открытым небом и на «Поле любви» для ухода за своим семейным участком огорода. На завершающем этапе проекта семьи-участники стараются победить в конкурсной программе по приготовлению блюд русской кухни из выращенных своими руками овощей и других продуктов – это является составной частью традиционного для нашего музея праздника «Осенины».

Семейный конкурс воздушных змеев. Победитель – семья Власовых.

Семьи-участники социального проекта «Поле любви».

Интересно, что всё больше заявок на участие в проекте «Поле Любви» поступает от молодых семей, находящихся в браке 2–4 года. И это служит расширению популярности музея-заповедника «Костромская слобода» в молодёжной среде. Музей находит друзей, молодых людей, заинтересованных историей своего родословного древа, ремесленными и обрядовыми традициями предков.

Разрушение нравственных норм и правил человеческого общежития, к сожалению, утра-

ченных в последние годы, пагубным образом отразилось и на институте семьи. Наше Поле любви помогает многим парам стать дружнее и гостеприимнее, научиться взаимовыручке.

Синтез материальной и духовной культуры в социальном проекте «Семья крепка ладом» позволяет находить новые формы музейной работы и повышает привлекательность музея как культурного центра, более открытого и демократичного для разных возрастных и социальных групп населения.

Историко-этнографический фольклорный коллектив «Белый камень», г. Москва.

Выступает народный коллектив «Казачий стан». Кострома.

Мастер-класс по ручному ткачеству ведет Ирина Елфимычева. Дом ремесел музея-заповедника.

Это позволяет по-новому раскрыть возможности этнографического музея «Костромская слобода», включив в качестве участников и памятники народной архитектуры с использованием естественного природного ландшафта. Такой дополнительный ресурс обеспечивает проекту полноту и разнообразие. Отвечая на запросы времени, наш этнографический музей старается оперативно пересматривать свои

проекты: образовательные, развлекательные и интерактивные программы и праздники, он становится более открытым и доступным для всех категорий населения, всё же отдавая приоритет в своей работе семье и молодёжи.

*Марина КРЫЛОВА,
заведующая отделом
традиционной народной культуры
и выставочной работы*

ВОЛШЕБНЫЙ МИР РОДНОГО СЛОВА

Новая книга Ефима Васильевича Честнякова с именем «Сказки, баллады, фантазии», должно быть, порадует читателей творчества этого самобытного автора и вообще всех ценителей живой русской речи. В книгу вошли сказки Шабловского леса и поэмы-сказки, пьесы-спектакли для детей и были-небылицы, лубочные сказки-шутки и интермедии. Уже названия произведений ласкают слух: «Стар-дедушко и медведишко-суседушко», «Песная бабушка Федунья», «Чивилюшко в избушке», «Марко-Пель в гостях у фей», «Сказки старого овина», «Чудеса на деревенской улице»...

Пройдёмся же с удивительным сказочником и фантазёром по этой улице, поучаствуем в праздничном шествии с Коледой, совершим вместе с Титком «необычайно диковинные похождения», послушаем песни царевны подземных ключей... И жизнь вокруг нас вдруг изменится, и сами изменимся мы, уйдя в волшебный мир родного слова, народных игр и забав, станем на время детьми.

Прекрасно иллюстрированная книга «Сказки, баллады, фантазии», продолжающая лучшие традиции русской народной и литературной сказки, издана в Москве, в ОАО «Московские учебники», в рамках Федераль-

ной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)».

Автор-составитель – Руслан Обухов, костромской исследователь жизни и творчества Е.В.Честнякова.

ИВАНУШКО

Ышел Иванушко на крылечко красной весной. Сияет солнышко... травы зеленеют, цветочки цветут, пташки поют. И слышит: «кирлы-мурлы, кирлы-мурлы...». Высоко в небесах летят верёвки гусей-лебедей.

– Гуси-лебеди! Спуститесь на землю к нашей избушке... Унесите меня, куда желаю.

Услыхали гуси-лебеди: ниже и ниже, ближе и ближе подлетают к Иванову дому... и опустились у самого крыльца:

- Ка-ка-ке... садись к нам на спину... куда тебе надо?
- Да охота побывать, где вы живёте...
- Садись, унесём.

Сел Иванушко на гусей-лебедей, и полетели...

Выше и выше... Прощай, деревня!.. Всё дальше и из виду вон пропала. Летят высоко, а внизу видно деревни, поля, горки-пригорки, речки-ручьи, и река широкая в зелёных берегах. Идут плоты по реке, гребни скрипят, огоньки горят, плотовики меж собой перекликаются. И сидят у шалашек девицы да бабы, песенки распевают. И видят гусей-лебедей, а не знают, что гуси-лебеди несут парнёка: далёко – не различить, ровно точка какая темнеет; и не догадываются что такое, не знаючи.

Дальше и дальше летят. Лес пошёл гуще: ёлки да сосны, берёзы, осины, деревья разные. Пролетели волок большой. Опять видит Иванушко избы с дворами... житницы, овины и бани, всякия лачуги, мякинницы, соломенники, погребушки... и церкви. Народ ходит. Малые ребята указывают пальцами на гусей-лебедей. А они тут летели не совсем высоко. И увидели люди Иванушка:

– Ай, ай!.. глядите-ка...

А гуси-лебеди скорёхонько пронеслись над деревней, уже над лесом летят; и дальше всё лес, кажется, и конца ему нет.

ОТКРЫЛАСЬ ЭКСПОЗИЦИЯ «КОННЫЙ ДВОР»

Лошадь – друг человека. Именно так можно назвать праздник, который состоялся в последний день августа в посёлке Красное-на-Волге. Начался он с чина освящения лошадей у древнего храма Богоявления, а продолжился лошадиным парадом в центре посёлка. Программа этого, возможно, первого в области подобного праздника была весьма разнообразной и интересной: катание на лошадях, фотографирование с гривастыми любимцами на память, конкурс рисунков на асфальте «Моя лошадка», выставка «Под стук копыт», фотовыставка «Конь – человеку крылья», мастер-классы по изготовлению лошадок из скани и оригами, конкурс «Золотая грива»... Порадовали участников и гостей праздника выступления народного коллектива песенного ансамбля «Казачий стан» и ансамбля русской народной песни «Красносёлочка», а также показательные выступления казаков Костромского отдельного казачьего общества.

Проведение оригинального праздника можно назвать исторически обусловленным. Ещё в XVII веке Красное считалось Дворцовым селом, откуда к царскому двору поставлялись лошади, конюшенный двор имел площадь 33 на 13 сажен. По описи 1717 года в Конюшенной слободе значилось 15 дворов. Ныне добрые конюшенные традиции в Красном возрождаются. Лошадей для Кремля здесь, правда, уже не разводят, зато открыли конюшню с музейной экспозицией «Конный двор», где можно узнать много интересного об этих удивительных друзьях человека, пообщаться с ними, а при желании покататься верхом или в конном экипаже по берегу Волги. Для юных же любителей природы и лошадей здесь организован детский конно-туристический лагерь «Волга».

И вот теперь – такой «лошадиный» праздник. Наверное, последний календарный день ушедшего лета красносёлам и гостям ювелирного центра России запомнится надолго.

Макар СТРЕЛЬЦОВ

КОНГРЕСС ЭТНОГРАФОВ

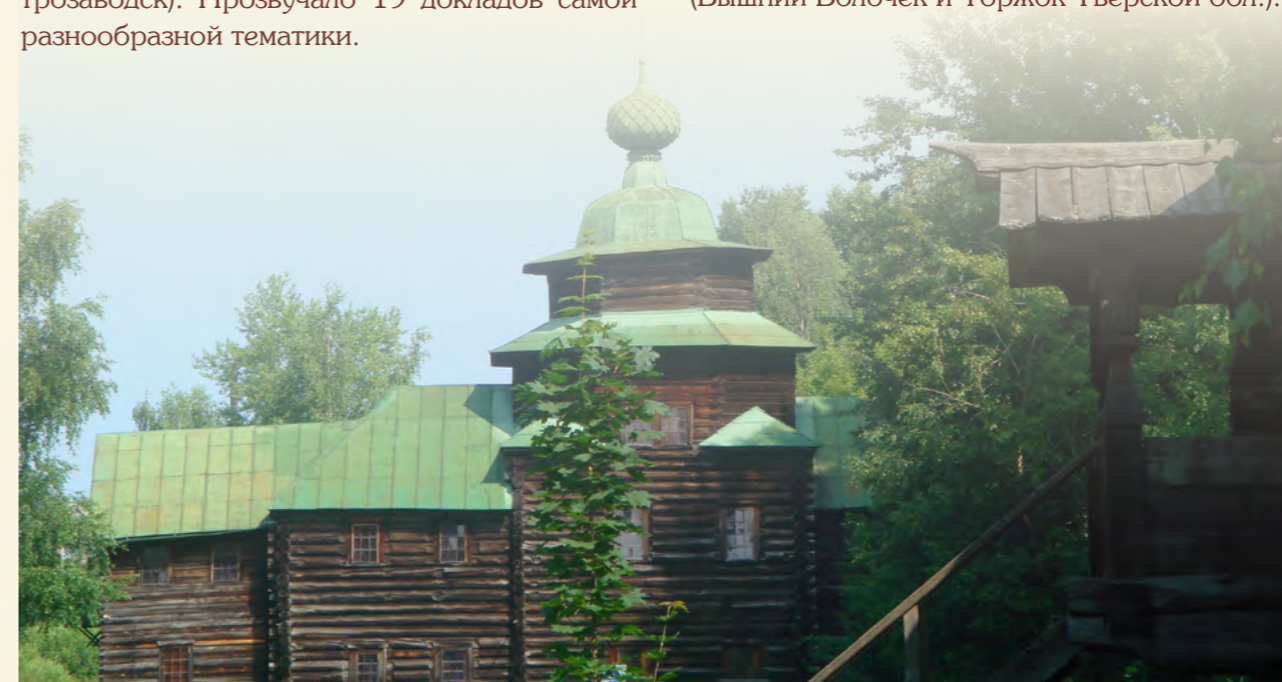
В июле в Москве в Российской Академии наук состоялся X конгресс этнографов и антропологов России. Он был организован Институтом этнологии и антропологии РАН им. Миклухо-Маклая, Ассоциацией этнографов и антропологов России.

Тема конгресса – «Современный город и социально-культурная модернизация России». В его работе приняло участие 1,5 тыс. человек из всех регионов России, более 200 человек из ближнего и дальнего Зарубежья. Программа 41-й секции – панорама научных интересов его участников.

Кратко расскажем о работе той секции, которая ближе всего нашему журналу по тематике. «Горожане первого поколения и родная деревня: мемуарные тексты, мировоззрение, поведение». Наиболее представительной на этой секции была делегация из Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск). Прозвучало 19 докладов самой разнообразной тематики.

Костромскую область на конгрессе представляла профессор кафедры культурологии и филологии, доктор исторических наук КГТУ Ольга Вениаминовна Смурова. Её сообщение прозвучало в секции «Малые города – большие проблемы» и посвящено было ретроспекциям этнической истории Костромского края в свете современной миграции. Под таким углом зрения история Костромского края никогда ранее не рассматривалась, в то время как это необходимо для понимания того, как шёл процесс формирования локальной культуры, в каких этнических соприкосновениях она рождалась. Наконец, осмысление происходивших и происходящих процессов необходимо для создания условий, благоприятных для проживания.

На конгрессе выступала и ещё одна костромичка, молодой исследователь (ИЭА РАН) Наталья Андреевна Белова. Её сообщение – «Повседневная жизнь малых городов России» (Вышний Волочёк и Торжок Тверской обл.).

Народная культура

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕТСТВО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Экспозиции в музее-заповеднике «Костромская слобода»

«Любованный мой, золотанный, дитяtkо мое, медушко» – так нежно и ласково обращались костромские крестьянки к своим ненаглядным детишкам. Все, что касается детства – подготовка к рождению, родины, крестины, обряды первого года жизни, обряды, фиксировавшие переход от одной возрастной группы к другой, пестование младенца, детский фольклор – все это вызывало и вызывает живой интерес не только как постижение мировоззрения и мироощущения ушедшей эпохи, но и как обращение за опытом. Жизнь изменилась, другой технический уровень, ритм, но вечна и непреходяща любовь к детям, вечны проблемы воспитания ребенка и приобщения его к культурным ценностям своего народа.

Теме «Крестьянское детство его мир и быт» посвящена одна из экспозиций нашего музея. Она размещена в памятнике архитектуры середины XIX века – доме Лоховой из деревни Вашкино Юрьевецкого уезда, входившего в начале XX века в состав Костромской губернии. Дом на «два коня», рублен в обло, украшен резными причелинами, полотенцем, наличниками.

Изба небольшая, уютная, очень светлая, позволяет музейными средствами через предметы, раскрыть эту тему. Жизнь детей в костромской крестьянской семье в период младенчества, который продолжался с момента «прихода в этот мир», как говорили в народе, и продолжался до 6–7 лет. Исследуемый отрезок времени – 2-я половина XIX века.

В народе считали, что «дети составляют благословение Божие и выражают собой присутствие Святого Духа в семье, они ее опора и счастье». «У кого детей много, тот не забыт от Бога» – гласит одна из пословиц. Если у семьи был достаток, желательно было много детей: «Подавай, Бог, кормить есть чем, на всех хватит», – говаривали костромские крестьяне. Народными воззрениями ограничивалась лишь плодовитость бедных семей, когда появление нового рта составляло обузу и тягость. «Наживать детей умеете, а кормить, – так вас нет», – укоряли семейные часто рожающую женщину.

Важностью деторождения в крестьянской среде объясняется значимость и жизненность обрядов, обычаев и примет, связанных

Памятник деревянного зодчества Дом Лохова.

с рождением ребенка. По народным понятиям каждый шаг будущей матери оказывает влияние на формирование ребенка. Отсюда множество рекомендаций и запретов, чего должна и чего не должна была делать будущая мать. Неписанные, но строго исполнявшиеся правила поведения беременной женщины, складывавшиеся в течение многих веков, представляли собой соединение практических навыков, мифологических представлений и христианских традиций.

Родины

Родины являлись одним из самых напряженных моментов в жизни крестьянской семьи. Они совершались в избе, из которой под различными предлогами выпроваживались все домашние, но чаще в бане, которую топили с целью распарить «размягчить» тело. Во 2-ой половине XIX века чулан, клеть, амбар, овин или другие укромные помещения местом для родов избирались в Костромской губер-

нии довольно редко. Одна из главных причин неожиданных и спешных родов заключалась в обычае скрывать момент их наступления, так как в народе цепко держалось убеждение (которое сохраняется в некоторых местностях до настоящего времени), что чем больше народу знает о родах, тем мучительнее и труднее они будут протекать. «Оборони Бог, если кто спознает, что баба родит, ни за что не родит, как должно. Она будет страдать за каждого, кто узнает об этом, и будет мучиться за все грехи узнавшего», – считали крестьяне Ветлужского, Галичского, Солигаличского уездов. Только два человека могли безнаказанно для роженицы знать – мать и бабка-повитуха – женщина, чаще пожилая, которая умела «бавить», «бавшичать», т.е. принимать роды. Повитухи знали практические приемы облегчения родов, которые сопровождались магическими действиями и заговорами, использовались при этом христианские святыни – ладан, святая вода, свечи из церкви. Крестьяне были набожными, читали молитвы, применяли лекарственные травы,

а также оказывали разнообразную помощь по уходу за матерью и ребенком в первые дни после его рождения. Повитуха, по ведомым ей приметам, старалась узнать и долю младенца. Запоминала и первый крик ребенка. По поверьям сила голоса уподоблялась жизненной силе и находилась в магической связи с будущим, предопределяя не только продолжительность жизни, но и некоторые черты характера.

Одна из основных функций повитухи при родах – защита новорожденного и роженицы от нечистой силы, так как с древнейших языческих времен акт рождения мифологически связывался с «иным миром», откуда пришёл ребенок, неся с собой нечистоту и враждебность «того света». Женщина и ребенок были очень уязвимы в этот период, считались источником «скверны», оскверненными считались и помогавшие при родах, и само помещение. Поэтому до тех пор, пока не совершался ряд ритуальных действий, новорожденный не считался человеком. Совершала их бабка-повитуха, которая использовала ритуалы как христианские, так и более древние, сохранявшиеся в народной среде еще с языческих времен.

Обрезание пуповины

Обряд обрезания пуповины и захоронения плаценты отделяли ребенка от запредельного мира. Пуповину перевязывали суровой ниткой или прядями льна, свитыми с волосами матери, чтобы ребенок всю жизнь был к ней привязан. Этот обряд очерчивал и рамки будущей жизни в биологической и социальной сфере. Пуповину перерезали у мальчиков на предмете, символизирующем мужские занятия: плотничком инструменте, колодке для плетения лаптей, начатой столярной или другой работе. Тогда из мальчика мог выйти работающий мужик и хороший мастеровой.

А у девочек пуповину обрезали ножницами над женскими орудиями труда – прялкой, швейкой, гребнем или начатым рукоделием. Считалось, что тогда она вырастет хорошей хозяйкой, работающей, умелой, доброй заботливой матерью. Затем повитуха заговаривала грыжу и мыла ребенка. «Обмывание» – очистительная процедура, по древним представлениям – смывание всего того, что ребенок принес с собой из потустороннего мира.

Экспозиция музея-заповедника в Доме Лохова. Колыбель в крестьянской семье. Нач. XIX века.

К. Лемох. Новый член семьи. 1880 г.

Омовение

В воду при обмывании клали хмель - для веселья; соль - от сглаза; серебряную монету - на богатство и наудачу. В Ветлужском уезде омовение происходило таким образом: в правую руку брали ковш или чашу с теплой водой, а левой подхватывали младенца под грудку и лили ему воду на голову и на спину; затем, не обсушив, запеленывали и клали на печь. А когда баня была готова, отводили роженицу с младенцем в баню, где еще несколько раз его обмывали, и, наконец, парили веником. Вода, в которой первый раз мыли ребенка, считалась «нечистой», ее выливали в избе в угол, чтобы никто не перешагивал это место, так как перешагнувший тоже может стать нечистым и передать «нечистоту» ребенку, от чего тот мог захворать.

После обмывания повитуха заворачивала ребенка в рубаху отца. В обрядовом завертывании важно было соблюдение трех условий: рубаха должна была принадлежать отцу,

быть ношеной и не стираной. Рубаха отца не просто символизировала связь между ними, но и означала принятие отцом своего ребенка, и наделяла родившегося возможностью дожить до зрелых лет и продолжить род. По народным представлениям через одежду как бы осуществлялась передача благ и ценностей от одного поколения другому. Поэтому рубашки и детские пеленки делали из старых вещей родителей.

Детское место (послед, плацента), тщательно обмытое и завернутое в тряпочку с ломтем черного хлеба, зарывалось в землю, чаще всего под полом избы около печки или в переднем углу с приговорами: «Месту гнить, а ребенку жить, да Бога любить, отца, мать почитать и бабушку не забывать». Или: «На хлеб на соль, на доброе здоровье». Считали, если детское место не хоронить 3 дня, то детей не будет 3 года (Варнавинский уезд); а если его предварительно выворотить, то следующий ребенок будет непременно мальчик (Галичский уезд). В XIX веке, предпочтение оказывалось рождению мальчика, в силу экономических причин, на которого смотрели как на будущего кормильца, а на девочку как «разорительницу», выходя замуж она покидала родительский дом.

Пеленание

Первое время бабка пеленала ребенка с особым наговором: «... Одну душу Бог простил, другую народил! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!». И крестила младенца. Пеленание считалось необходимым, срок его был от 6 месяцев до 1 года и более, до того времени, когда ребенок по народному выражению «сам стряхнет с себя пеленки».

На экспозиции в музее-заповеднике «Костромская слобода» представлены уникальные предметы – одежда младенцев из Костромского, Нерехтского и Кинешемского уездов. Это наголовник тонкого фабричного полотна, расшитый цветочным орнаментом в технике

«крест»; вышитый свивальник из домотканого льняного полотна (шириной до 12–15 см и длиной до 1,5–2 м полоса из ткани с завязками на концах, которой ребенка обвязывали поверх пеленок); пеленка из домотканого льняного полотна с кружевным краем, украшенная узором, выполненным старинным швом – роспись. Архаичный узор, составленный из трех пар геометризованных птиц, символическое древо жизни, ромбы с продленными сторонами, вероятно, фрагменты древнего орнамента-оберега, способствовавшего обеспечению ребенку здоровья и благополучия и наделявшего долей дожить до зрелых лет, создать семью и продолжить свой род.

Размывание рук

Пребывание повитухи в доме у роженицы, завершалось древним обрядом «размывания рук» – ритуального очищения от послеродовой «нечистоты». Совершался этот обряд в бане и давал возможность женщине вернуться к повседневной жизни, а повитухе – принимать другого ребенка. Полное очищение роженицы совершалось по православному обряду на 40-й день после рождения ребёнка.

Предметы, экспонируемые в избе Лоховых: деревянное корыто, в котором обмывали ребенка; медный ковш, из которого с приговорами поливали воду; мужская пестрядинная рубаха, порты, немудреная домашняя утварь, икона в красном углу. Все эти предметы позволяют погрузиться в среду, привычную для крестьян 2-й половины XIX века, и представить великое событие – Рождение новой жизни.

Колыбель

«Без колыбели не вырастишь детей», – говорит пословица. Колыбель находилась в доме при появлении ребенка на свет и до начала

его хождения по полу. В Костромской губернии бытовали два типа колыбелей: зыбка и люлька. Самой распространенной была зыбка из луба прямоугольной формы со скругленными углами и поперечными деревянными перекладинами, иногда дно делали из пеньковой веревки или лыка. В изголовье и ногах зыбки приделаны обручи, за которые она привешивалась к очепу. Очеп – это гибкая жердь длиной около двух с половиной сажень, она подвешивалась к потолку, продеваясь сквозь железное кольцо, ввернутое в матицу

Люлька представляла собой прямоугольную деревянную раму с невысокими бортами, дном служил слабо натянутый холст. В металлические кольца, ввинченные в углы, продевалась веревка для подвешивания к очепу. Один конец его упирался в потолок, другой держал подвязанную к нему колыбель. Качание колыбели производилось вертикально: вверх-вниз. Укачивание сопровождалось пением колыбельных песен.

К. Лемох. Варька. 1893 г.

К. Лемох. Дети.

Например, вот таких:

*«Баюшки-баю, дорогую деточку,
золотую ягодку, сладкую мою».*

*«О баинки, баиньки,
Не ложись спать на краиньки,
Придет сереньких волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок.
Во леске баба живет,
Все оладейки пекот,
Она макнет во медок,
Даст тебе в роток».*

Подстилкой в зыбке служила чаще всего солома, поверх которой клали выношенную холшовую тряпку из рубахи или сарафана, одеялом служила старая одежда или специальное детское одеяло – лоскутное или из меха.

Для защиты ребенка от яркого света, мух, «дурного глаза» зыбку завешивали пологом – обычно из юбки «пестряк», т. е. из пестряди, круглой, в сборку и на подоле с оборкой, иногда делали разрез сбоку. Эти типы колыбелей представлены на экспозиции в музее.

Колыбель, как первый дом ребенка, требовала соблюдения многочисленных предосторожностей в обращении с ней: ее обязательно кропили святой водой, до крещения находить ребенка в колыбели не полагалось, в первый раз ребенка клали с особой молитвой. На стенке зыбки в изголовье часто вырезали или рисовали крест. Над колыбелькой вешали берестяные игрушки; «кругляпушки» – шарики из тряпок, обшитые разноцветными лоскутками; бусы из пустых яичных скорлуп, выкрашенных цветными кусочками ткани в яркие цвета.

Крещение

Самым важным и главным обрядом в жизни ребенка являлся и является обряд крещения. Для православного человека, крещение – это рождение собственно человека «по образу и подобию Божию». Первым шагом в подготовке крещения был выбор крестных родителей – кумовьев. Их подбирали тщательно, так как они становились духовными родителями ребенка. Чаще всего это были родственники или хорошие знакомые. Иногда был один восприемник: если девочка – одна кума, если мальчик – один кум. Время крещения зависело от местных традиций и различных обстоятельств. После Крещения по церковному обряду священник надевал на ребенка крестик и рубашку. (До крещения, младенец имел только одну одежду – пеленки). Имя ребенку выбиралось священником по святым или давалось по желанию родителей. В Костромской губернии предпочитали имена бабушки, дедушки, удачливого родственника.

Праздничный обед – крестины

Дома устраивали праздничный обед – крестины. Древний смысл обеда – ритуальное включение новорожденного в коллектив. Обрядность крестинного обеда была насыщена различными магическими действиями и приговорами, цель которых – обеспечение благополучной жизни и здоровья ребенку. Традиции крестинного обеда имели незначительные отличия в разных местностях Костромской губернии, но везде обязательно первое блюдо на столе – каша из пшена и других круп. Все гости должны были после кушанья каши положить в то же блюдо деньги, предназначавшиеся ребенку, иногда повитухе (в благодарность за труд и усердие). В Юрьевецком уезде было принято поверх блюда с кашей класть пирог. Кум и кума делили этот пирог пополам, и кому больше достанется, тот, значит, больше потрудится в научении крестника христианским добродетелям. На дно блюда, в котором была каша, крестные отец и мать, в виде пожелания своему крестнику богатеть и духовно и вещественно, клали деньги по своему усердию и состоянию. В начале обеда кума и другие женщины клали в ложку отца горчицы, перца, соли, хрена, уксуса, обсыпали всё толченым сахаром и давали ему все это съесть, с приговором: «Ешь, отец-родитель, ешь, да будь пожеланней к своему сынку (или дочке). Как тебе солоно, так и жене твоей было солоно рожать». Было принято родным и знакомым, идя на крестины, приносить по кружке разваренной сухой малины, подслащенной сахаром или медом, а на «зубок» младенцу – по большому круглому пирогу.

В горнице дома Лохова музея-заповедника «Костромская слобода» воссоздан фрагмент крестинного обеда: в праздничных одеждах за столом кум и кума, которые должны будут

стараться заботиться о крестнике; хлопчет у стола повитуха; на столе – «бабина каша». А маленький христианин, полноправный член всего православного мира, лежит на шубе, вывернутой мехом наружу. По старинному народному обычаю, таким образом, ему выражалось пожелание здоровья и богатства.

Экспозиция предоставляет возможность ознакомиться также и с обрядами первого года жизни детей, предметами младенческого быта, одеждой, обувью, незамысловатыми самодельными игрушками, культурой пестования ребенка.

Народная мудрость в воспитании детей, передаче нравственных ценностей, норм поведения, постепенное и посильное включение ребенка в трудовую жизнь семьи – это заслуживает внимания как народный опыт, копившийся веками и проверенный временем.

*Людмила МОСКАЛЁВА,
главный хранитель музея-заповедника
«Костромская слобода»*

К. Лемох. Новый член семьи. 1880 г.

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА-ЛЕСОПРОМЫШЛЕННИКА

ПЛОТНИЦКОЕ МАСТЕРСТВО

Дом крестьянина-лесопромышленника Андрея Григорьевича Серова, теперь памятник деревянного народного зодчества на территории музея-заповедника, вывезен из д. Мытиши, которая находилась в южной части Макарьевского района на высоком правом берегу р. Унжи.

В Макарьевском уезде раньше дома обычно строили одноэтажные, отличались они прекрасным качеством материала. Часто встречаются и теперь так называемые «пятистенки», т.е. избы, разделенные капитальной стеной. Дом А.Г. Серова из д. Мытиши был построен

в 1873 году артелью известного талантливого народного мастера Емельяна Степановича Зиринова. Планировка дома характерна для крестьянских домов Верхнего Поволжья, широко распространенных во 2-ой половине XIX века. Жилая часть дома, выходящая окнами на улицу, представляет собой пятистенок, объединяющий в одном срубе избу и горницу. За пятистенком следуют помещения кладовых с одной стороны и горенки – с другой, к ним примыкает двухэтажный двор, первый этаж которого предназначен для содержания окота, второй – для заготовок сена и хранения хозяйственных предметов.

Памятник народного зодчества Дом Серова.

Помещения соединяет просторный коридор, называемый «мостом». В дом ведет крытое невысокое крыльцо. Рядом – украшенные резьбой ворота, ведущие во двор.

Художественную выразительность традиционной планировки дома придает рельефный орнамент, основным мотивом которого является небольшая розетка,

похожая на цветок, украшающая детали интерьера. Большое дарование мастера особенно сильно проявилось в оформлении фасада дома, мотивами резьбы которого является растительный орнамент с вплетенными в него изображениями «фараонов» и надписями. Слуховое окно украшено рельефными изображениями львов и розетками.

Емельян Зиринов (сын плотника) был мастером «первой руки»: он рубил углы, вставлял косяки, делал лавки, голбец, наличники, резал орнамент на досках. (Мастер «второй руки» стлал полы, тесал стены, собирал потолок. Остальные работники выполняли работы по указанию старшего). Резал Е.С. Зиринов без рисунков, придумывал орнамент сам. На каждом доме он ставил свою подпись. Работа этого мастера нравилась и ценилась высоко. Дом, срубленный для А.Г. Серова, мог стоить рублей 800–1000, что приравнивалось к стоимости 15–20 коров.

ДОМАШНИЙ БЫТ И ЛЕСНОЙ ПРОМЫСЕЛ

Хозяйство крестьянина-лесопромышленника крепкое. Дом его всегда выделялся среди прочих деревенских домов, так как был больше по размерам, имел большое число помещений, дорогое резное украшение, лучший строительный лес. В хозяйстве зажиточного

Фрагмент декора крестьянского дома.

крестьянина имелось несколько лошадей, 3–4 коровы, 2–3 телят, 10–12 овец, куры, иногда держали свиней. Домашние дела велись самими домочадцами, на полевые работы нанимали работников, могли нанять работниц и для ухода за скотом, для ведения домашнего хозяйства. Детей своих зажиточный хозяин

старался выучить и имел на то возможности, да и самому лесопромышленнику без грамоты трудно вести свои дела.

В связи со своим занятием (продажей леса) крестьянин-лесопромышленник часто бывал по торговым делам на ярмарках во многих городах (Макарьев, Юрьеvec, Кострома, Ярославль, Нижний Новгород и др.). Присматриваясь к жизни купцов, богатых горожан, он стремился приобщиться к городскому быту: привозил городские вещи, городскую модную одежду для себя и своих домашних. Но в то же время он оставался сельским жителем, со всем своим крестьянским образом жизни, хозяйственным укладом, традиционными местными обычаями и представлениями.

Заметное влияние на жизнь и хозяйство местного населения оказали природные условия, Макарьевский район являлся лесным краем; огромные площади заняты были лесом, поэтому основное место в занятиях крестьян занимал лесной промысел.

В лесных промыслах принимали участие почти исключительно мужчины, хотя в некоторых процессах применялся женский и детский труд. Работы, связанные с рубкой и сплавом леса, делятся на ряд отдельных операций: выработка леса, куда входит рубка

деревьев и вывоз их на свалы; выгонка леса из мелких речек; сбивка плотов; постройка больших плотов и судов для сплава лесных материалов; погрузка их, сплав. Наем на лесные работы производился в сентябре-октябре (обычно из числа местных крестьян). Лесопромышленники нанимали работников двумя способами: исполно и подённо. Сушность исполыщины состоит в том, что работник получает за выработку или сгон леса заранее обусловленную долю рыночного продукта (например, 50 из 100 сплавленных бревен). Существовала так называемая «чистая исполыщина», когда доля работника составляла половину, и часто – работа из неравной доли. Исполынная выработка леса сдавалась преимущественно зажиточным крестьянам. Поденщикам заранее устанавливалась определенная денежная плата за день работы или за дерево.

Лесопромышленник мог сам лично заниматься лесным промыслом, набирать людей для работы, но мог нанять для этих целей доверенное лицо или поручить свои дела сыновьям. Про-

верку производит сам лесовладелец. Работы по рубке и возке леса занимали зимний период, начинаясь вместе с установлением санного пути и заканчиваясь ко времени вскрытия рек (т.е. середина ноября – середина марта).

Во время лесных работ нанятые крестьяне жили в очень плохих условиях, ютясь в лесных избушках («зимницах», «зимовках», «подкурах»). Зимовка представляет из себя небольшой бревчатый сруб, без окон, с низкой дверью, крытый жердями и еловыми лапами. Внутри зимовки вдоль стен находились нары, в центре – очаг. В таком помещении зимовали примерно 15–30 человек. Дым, грязь, холод, сырость, плохое питание – всё это создавало условия для различных заболеваний. (Обычная пища рабочих в лесу – горячий приварок из картофеля и крупы, на второе – пшенная каша. Реже – приварок из гороха (горох считался очень дорогим).

Чуть свет рабочие шли в лес, позавтракав приварком предыдущего дня, брали с собой лишь кусок хлеба. И только вечером готовили горячую пищу. Работали по 12–15 часов.

За недостатком наличных денег рабочим часто приходилось брать продукты от лесопромышленника в счет работы. При этом продукты предлагались по повышенным ценам.

Как только реки очистятся ото льда, заготовленный на свалах лес пускался по вешней воде; у больших рек бревна свивались в плоты и сплавлялись дальше. Работа эта требует большого количества рабочих рук. Здесь были заняты мужчины, женщины, дети. Работали непрерывно, порой по колено в холодной воде (обутые в лапти); ночевать приходилось у костра.

Затем начинался сплав плотов («гонок») по большим рекам. Для этого нанимали опытных плотовщиков – сгонщиков. Работа эта тяжела и опасна, часто бывали несчастные случаи. Время сплава – середина апреля – середина июня, т.е. примерно 60 дней.

Деньги за работу выдавались частями. При найме на работу давался задаток в счет будущего заработка. Окончательный расчет задерживался обычно до конца сплава. Все сплавляемые лесные материалы делились на

4 группы: крупный и средний плотовый лес хвойных пород, так называемые хвойные «мелочи»; т.е. мелкий лес хвойных пород; поделочный лес лиственных пород; дрова.

Помимо местных рынков значительная часть древесины отправлялась на отдаленные рынки по водным и железнодорожным путям. Важный внешний рынок для сбыта древесины – Поволжье и прилегающие к нему районы. Через Нижний Новгород лес сплавляли по Оке в Москву и др. места. Часто устраивались лесные ярмарки, (Постоянная лесная ярмарка проходила в г. Макарьево).

С ростом рынка увеличивается и доходность лесного хозяйства. Велось лесное хозяйство не везде одинаково. Чтобы леса не страдали от порубок, необходимо постоянно заботиться о его возобновлении искусственным и естественным путем. Естественный оборот рубки в зависимости от качества леса составляет 80–150 лет для хвойного леса и 30–50 лет – для лиственного леса, поэтому рациональное лесное хозяйство возможно лишь при наличии крупных лесных

Интерьер крестьянской избы. Дом Тарасова, памятник народного зодчества из д. Мухино Вохомского района.

Интерьер в Доме Ципелёва, памятник народного зодчества из д. Аристихи Шарьинского района.

площадей. Непрерывное ежегодное пользование неизбежно приводит к обезлесиванию. Доход от лесных владений слагался из доходов от земельных и промысловых статей и дохода от лесных дач; т.е. помимо прямого пользования древесиной лес служил источником таких доходов, как пастьба скота, сенокосение на лесных полянах, временное сельскохозяйственное пользование лесосеками, добыча мха, торфа, песка, глины, камня; содержание пчельников, охота, рыболовство, сбор ягод, грибов, трав и прочее. Многие лесопромышленники занимались углежжением, смолокурением, дектарным и древесно-порошковым производством.

ОГОРОДНИЧЕСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЕ РЕМЁСЛА

Сельское хозяйство велось в небольших размерах при трёхпольной системе. Так как здешние места отличались малоземельем, земледелием занимались только лишь в расчете на свою семью. Крестьяне имели небольшие

Фрагмент экспозиции крестьянского быта.

участки земли (на душу приходилось 2 десятины пахотной земли), где выращивали пшеницу, рожь, ячмень, овес, гречиху, картофель, лук, морковь, огурцы, брюкву и прочее.

Некоторые крестьяне имели собственные купленные земли или нанимали для посева участок из-под вырубленного леса, остатки которого сжигались, на выжженных местах («огнищах») сеяли хлеб. Обычно лес рубили весной, выжигали в июле, а осенью готовили участок для посева. Весной сразу же после таяния снега сеяли яровую пшеницу, на следующий год – горох, потом – рожь, овес и т.д., пока земля совсем не истощится. В хозяйстве крестьянина, занимавшегося лесным промыслом и отходом, большую часть полевых работ приходилось выполнять женщинам и младшим членам семьи.

Занятия жителей, кроме лесных промыслов и земледелия, заключались в различных ремеслах, связанных с обработкой дерева и его продуктов. Помимо этого в здешних местах широко был развит шерстобитный промысел. Крестьяне катали валяную обувь и войлоки для себя и на продажу на дому, а также уходили в отход (на Урал, в Сибирь, в южные губернии). Заметное место в крестьянском быту занимали различного рода женские рукоделия: тканьё холстов, поясов, полотенец, половиков, узорное ткачество, шитьё, вязание кружев, вышивка. Почти в каждой крестьянской семье на случай болезни собирали, сушили и хранили различные лекарственные травы: тысячелистник, подорожник, чистотел, крапиву и многие другие.

Испокон веков в этом лесном краю занимались охотой и рыболовством. Охотились на белку, куницу, рысь, медведя, волка; били дичь, рябчиков, глухарей, тетеревов. За дичью приезжали купцы-скупщики из Нижнего Новгорода. Рыбу ловили разными способами; вялили, засаливали впрок.

*Светлана ГУСЕВА,
заведующая научным отделом
музея-заповедника «Костромская слобода».*

Была такая жизнь

МЕД – НЕ ТОЛЬКО СЛАДОСТЬ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Говорят, что у добрых и щедрых душой людей лучше ведутся пчелы, не слетают рои, а пасеки весьма редко посещают незваные лесные «гости».

У моего деда Торопова Василия Анемподистовича, позднее у отца и дяди, а потом у мамы и братьев всегда были хорошие пасеки. Память хранит картины далекого моего детства. Особенно памяты дни медокачки. Еще с вечера по деревне Болотниково разносится слух, будто отец назавтра собирается качать мед, если только не будет дождя. С восходом солнца все в доме оживало. В баньку приносили из чулана медогонку. Сполоснув ее от пыли, устанавливали посредине пола. Рыхлыми ольховыми или березовыми гнилушками заряжали дымари, точили ножи для распечатывания белых яровых сот, припасали кипяток, чтобы те ножи в воду обмакивать. Приносили заранее пропаренную с можжевелем деревянную и глиняную посуду под мед, льняные полотенца, объемные, с длинной ручкой ополовники. Деревенские мальчишки и девчонки сбегались к нашему дому спозаранок, чтобы чем-нибудь угодить в сподручной работе, а потом заполучить лишний лакомый кусочек.

Качали мед обычно в воскресный день, когда по возможности менее важные дела переносили на прочие дни недели, люди были свободнее. К месту сладкого пиршества пар-

ни приносили ведро студеной колодезной воды, каждый знал: надо прихватить с собой ложку и ломоть хлеба, а медовики-сластены – плошку с малосольными огурчиками: хорошо с медком! Хоть и сладок мед, да не по две ложки в рот. Коли взятки бывал хорош, отец выставлял на угощение

деревенским полутораведерный ушат враз, а для нужды — так всю осень, зиму и весну шли, и ведь ни единому не отказывали, в голову никому не приходило платиться или спрашивать платы. Давали на лечение, для гостя, на поминки – за то денег не берут.

Пчеловодство испокон веков почиталось одним из основных промыслов в нашей лесной стороне. Сам по себе пасечник – это уже личность. Не случайно еще древние люди приписывали ему сверхсилу, считали связанным с потусторонним миром. Ведь и медуница-пчелка, как предполагали предки, – существо неземное, по крайней мере, заморское.

Великое множество всевозможных легенд и обрядов связано с разведением пчел и уходом за ними. Сказания языческого и христианского происхождения свидетельствуют, что в те далекие времена никакого ухода за медоносными пчелами не было. Пчеловодство в древней Руси вплоть до XIX века было в основном бортневым или, как говорится, колдным. Бортъ-улей в дупле дерева или дол-

бленой колоде. Прежние бортники-пчеловоды не только возле дома разводили пчел, но и занимались сбором меда диких пчел, при этом передавая из уст в уста заговоры, подобные вот этому:

«Как океан-море из всех рек и протоков собирается и силен бывает, как полая вода дюжа и сильна бывает, ломает лес и урывает берега, несется через острова и кусты, зеленые луга и болота заливаает, так бы у меня, раба божия (имя), пчела в пасеке сильна и дюжа была, несла мед со всех четырех сторон с лугов, с топей, черных грязей, из чистого поля, из темных лугов и от синего моря и со всякого цвета, завела б себе детей, отпущала бы сильные рои, работала б сама себе, в люди не ходила б и к себе чужую не путала б, со всех сторон четырех оборонялась».

Мудрый пчельник скажет вам: «Без Бога – не до порога, а без Зосимы-Савватия – не до улья, рой родится – Зосима-Савватий веселится». Эти два великих подвижника настолько возлюбили пчелок, что сумели управляться с ними даже в условиях сурового Приполярья, на Соловецком острове, где подвизались в молитвах. Тридцатого апреля по новому стилю Зосима-пчельник. В этот день выставляют пчел на пасеки. Пробегая мимо ульев, детвора припевает: «Рой, гуди, в поля иди! С полей

иди, медок неси!» А от приговорок переходят к играм. Двое-трое ребяток стоят неподвижно – они «ульи». Остальные ходят вокруг, припевая: «Пчелки яровые, крылья золотые, что вы сидите, на полет не летите? Аль вас солнышком печет? Аль вас дождичком сечет? Летите за горы высокие, за леса зеленые». Прокричав нараспев, все разбегаемся, а «ульи» изображают пчел, бегут за нами. Кого поймают и пожужжат на ухо, тот считается «ужаленным» и выходит из игры. А чуть помоложе сама была, чем теперь, любила кокетливо с Катей Корсунской, московской красавицей, распевать незатейливую песенку, подразнивая мужской пол, охочий до женского.

иди, медок неси!» А от приговорок переходят к играм. Двое-трое ребяток стоят неподвижно – они «ульи». Остальные ходят вокруг, припевая: «Пчелки яровые, крылья золотые, что вы сидите, на полет не летите? Аль вас солнышком печет? Аль вас дождичком сечет? Летите за горы высокие, за леса зеленые». Прокричав нараспев, все разбегаемся, а «ульи» изображают пчел, бегут за нами. Кого поймают и пожужжат на ухо, тот считается «ужаленным» и выходит из игры. А чуть помоложе сама была, чем теперь, любила кокетливо с Катей Корсунской, московской красавицей, распевать незатейливую песенку, подразнивая мужской пол, охочий до женского.

*А пчелочка золотая,
Что же ты жужжишь?*

Около летаешь –

А прочь не летишь.

Али ты не любишь

Катеньку мою?

У моей у Катеньки

Русая коса,

Голубая лента

Ниже пояса.

Черные брови,

Серые глаза;

Розовые, полные

Щечечки ее,

Мягкие, пуховые

Грудочки ее,

Сладкие, медовые

Губочки ее.

Я к губам приникну –

С ними и помру!

Врешь – и не прилипнешь!

Врешь – и не помрешь!

Жаль-жаль, жалко мне,

Врешь – и не помрешь!

*А пчелочка золотая,
Что же ты жужжишь!*

Вот так невинно забавлялись сами и веселили других. Сокрушаюсь о том, почему же современная молодежь, мои взрослые дети, не перенимают этой беззаботной милой веселости, к случаю. Не так уж все плохо и теперь, поверьте жилому человеку. Только неплохо бы поближе к ней, к матушке-природе, пристать. Случается, улей выпустит рой, а особо плодовитый, роистый улей, матерый, в лето отделяет до трех. Поди угляди за ними, вот рои и слетают, ища пристанище на стороне. Хозяйственные жители наших деревень и теперь занимаются отловом буздомных роев.

А если соблюсти старинный обычай, то надо в Великое воскресенье, когда солнце играет и ярит на небе, свезти на молодых быках дуплянку в лес да приспособить ее на дереве повыше. Летом поселится в ней рой. Да и быки станут послушнее в работе. Но вот незадача: теперь не только рабочих быков в деревне не сыскать – лошадку не в каждом селе увидишь. А для предохранения пчел от заклинаний и злого глаза прибегают к разного рода суеверным приемам. На Пасху, после заутрени, хозяин приходит на пасеку с освещенной свечой и крошит ее в улье. А до четырнадцатого августа не положено вынимать из улья сотов, иначе может напасть на пчел мор. Вне этого правила майский мед-самотек, самостоятельно стекающий в посудинку из сотов. Моя бабушка Александра, большая любительница пряников-медовиков, часто повторяла, помнится:

– Вошина не соты, болтовня не толк.

Тем самым, по-видимому, оправдывала свое пристрастие сладостоежки – употреблять мед до времени, выпекая медовые кокуры на весеннем светлом подседе. Бывали года, что на чистом меде

варенье варили. Помнится, полный подвал стоит банок, отец довольный, в настроении. Малиновое – самое знатное! Потом брусничное с российскими яблочками.

Нежное из ирги, с горчинкой рябиновое, словно янтарное, сборное «киш-миш», черная смородина, медом залитая, и для балости из черемухи, потом из зеленого крыжовника «поцарски», морошка в меду, а вот редкой ягоды княженики только горсточку насобирала, да и ту по яголке на пробу раздала. Бабка не раз говаривала, что ягоде этой только на княжеском столе быть. Каждому в руки она не даётся, и не всяк ее отведаёт, а только упорный да понимающий толк в жизни. Так-то вот! И по сей день можно встретить еще нежно-аленький цветок княжеской ягоды. Знатоки уверяют, что сродни вкус ее с заморским ананасом. Не знаю, не пробовала ананаса, может быть, из вредности, из ершистой неприязни к нынешней моде, что, мол, все заграничное лучше нашего. Ан нет, и нам есть чем мир удивить. Валяйте-ко поищите в лесной глубинке редкостную княженику! Да с медом ее на уста... Не к месту будет сказано, что «с медом и ошметок съешь». А тут княженика, да еще с

медом. Вкус неповторимый, на всю жизнь запомнится.

Во все времена продукты бортничества были предметом внутренней и внешней торговли. Из воска изготавливались церковные свечи. Кроме свечей, из воска лепили всевозможные амулеты и талисманы, добавляют еще сок чертополоха и ладан.

Теперь заглянем в дом пасечника. Чем он живет и дышит? О гостеприимстве хозяина говорят: «Каков Дёма, таково у него и дома». Для долгожданного гостя завсегда на припасае в медвянице (погребе для питей) медовина найдется. «Пиво не диво, и мед не хвала; а всему голова, что любовь дорога».

В былые времена у богатых людей до 500 ведер меда стояло. Не зря говорится: «Воеводою быть – без меду не жить». Мед варили смородиновый, можжевелевый, старые стоялые и медвяные квасы, мед приварной и вешний, белый паточный... Крепким сброженным медом на хмелю с пряностями или ставленным, т.е. пропаренным в вольном духу печи угощали близких и родственников. Сами не хотите испить малинового либо вишневого?

Вот рецепт без утайки. Сварите, не пожалее затрат. Созревшую малину ссыплем в бочонок и зальем водой на день-два. Алый

настой сольем и на каждые две кружки сока вливаем три кружки меда. Опускаем подгорелую сухую булку, лесной хмель. После брожения булку вынимаем и даем меду пениться еще ден пять-шесть. В старинных рецептах присутствует ванилин, корица и гвоздика, корень кардамона, фиалковый; сушеные лепестки розы, сирени и жасмина, мята и душица, сельдерей и струганый хрен. Подается питейный мед в ковшах-братиках, а по-нашенски, по-костромски, так в ендове. Ендова – неотъемлемая часть дочерниного приданого. В религиозные престольные праздники, в свадьбы, в сговоры, в родины и крестины появлялась ендова на столе как знак сердечности, мира и благополучия.

«В поле враг, в доме гость. Садись под святыне и починай ендову». Даже неприятель, отведавший меда из братины, становился уже доброжелателем. Легенды поверяют нам, что предки наши, древние меряне, гасили междоусобные войны и ссоры питейным медом. Женщины-мерянки, одетые в яркие праздничные одежды, выставляли на поле брани или буфы ковши-братины с различными медовыми напитками, приглашая выпить за всеобщий мир, таким образом избавляя мужей, сыновей и братьев от кровопролития. За добрым питеем мужчины забывали обиды, вспоминались хорошие дела и прощали друг другу огорчения.

В Кологривском краеведческом музее хранится ендова-братина, вмещающая в себя без малого десять ведер напитка. А в Вохомском районе в с. Никола и по сей день сохранился обычай потчеванья друг друга питейным медом, корчажным домашним пивом и прочей богатой снедью. Ладно бы гость в дом зашел, так ведь нет – выносят угощение на взгорки между селами или деревнями и запотраивают взаимное пиршество-братчины. «На пиры и братчины не званы ездят».

А вот в д. Суховерхово вблизи деревни Шаблово, где проживал Ефимушка Честняков, нас, участников этнографической экспедиции, с пирожной лопаты потчевали. Тетушка Маня поставила чаруши с медвяными напитками на пирожную лопату, поднесла нам к столу под нос и бойким приказным манером выкликнула:

– Пей до дна, пироги сгорят!

Что означало, не томи хозяйку-то, а поскорее освобони (освободи) посудинку да пирожную лопату не задерживай, на которой еще хлеба в печь сажать надобно. А пред которым гостем, сказывают, так аж на колени падают, все с той же лопатой-то, но сразу же и предостерегут:

– Пей умненко, так и завтра дадут маненько.

Немерено, да как измеришь-то, сколько женки за свою жизнь питей разных переварили. Деревни наши да села все ближе к проезжим трактам жмутся. А в зимнюю непогоду да стужу женки медовый сбитень варили да тор-

говым людям предлагали. А чтоб он подольше горячим оставался, мужчины сбитневарки соорудили, под масть теперешнему самовару. Напиток слабривали целебными травами, да корешками, да сушеными ягодками, а основато, как и положено, – медовая. Порой прямо на воле торговлю вели. Тут кувшин глиняный, оплетенный лентами бересты, выручал. Береста, как известно, имеет свойство сохранять и тепло, и, если надо, – холод. Под стать термосу. Проезжий люд согревал тело и душу горячим сбитнем домашним.

Вот мы с вами вроде как сами за праздничным столом у пасечника побывали. И меда питейного испили, и сбитнем обогрелись, и медовыми пряниками закусили, и нечерствующего хлебца, ржаного, медового, отведали. Но то все по усам стекло, а в рот не попало.

Кушай, кум, да не засаливай уса! Знай честь, утирай бороду!

*Ольга ЩУКИНА,
научный сотрудник
музея-заповедника «Шельково»*

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ВЕТЛУЖСКИХ ЧЕРЕМИСОВ

Заглянем в южную часть Ветлужского уезда, а именно Тоншаевскую волость, в которой жили ветлужские черемисы. Что это был за народ, черемисы?

Черемис – очень старое название народа «мари», древних мариЙцев, и переводится как «мужчина», «муж», «человек». О черемисах имеются данные в разных письменных источниках. «Повесть временных лет» на своих страницах упоминает об этом народе. Многие учёные сходятся во мнении, что именно мариЙцы, называемые в глубокой древности черемисами, являются аборигенами местного края. «...МариЙские племена сформировались на базе более ранних племен, населявших междуречье Волги и Вятки и являются основным населением края»¹. Проживавшие в Костромской губернии в Тоншаевской волости Ветлужского уезда черемисы относились к так называемым луговым черемисам.

Немец Иоганн Готтлиб Георги, путешествовавший по России в конце XVIII века и описавший в своем сочинении все обитающие в Российском государстве народы, так пишет о черемисах. «Живут они в Казанской и Нижегород-

В черемисском наряде.

ской губерниях больше на левой, нежели на правой стороне р. Волги... Жилища их простираются до самой Перми, и деревни их лежат отчасти особо и отчасти смежно с чувашскими и российскими...и говорят своим собственным с финским наречием сходным языком, но за неимением букв, нет у них ни письменных, ни печатных дел... В делах своих черемисы не торопливы, но прилежны... упрямы и недоверчивы...

Все черемисы держатся языческого суеверия. Зимой мужчины занимаются охотой, рыболовством, но к ремеслу, к коим российские мужики великую имеют склонность, черемисы не способны... Женщины прядут, ткнут, портняжат, вышивают холстинное одеяние шерстью собственного крашения».

Черемиски носили штаны, лапти и обвертывали ноги онучами. Летом ходили «в одних рубахах, под коими штаны. Рубахи около шеи и концы рукавов прихватываются плотно... Воротник и все закраины (видимо, имеются в виду края одежд – подол, рукава) украшаются очень пестро шерстью, ворот застегивается большей частью пряжкой, а стан при-

жимается к телу поясом. Для пышности носят они сверх рубахи подобные покрою халату из всяких цветных и отчасти тонких сукон делаемое верхнее одеяние, которое по краям выкладывают иногда узовыми шкурками. Высокая, сужающаяся кверху шапка (шурка) делается из бересты, покрывается кожей или холстом и сплошь унизывается корольками, маленькими серебряными монистами и змеиными головками. Таким же образом покрывается и висящий от шапки по спине ремень шириною в ладонь».

Некоторые, вместо высокой шапки, носили широкие головные повязки, украшенные монистами и «корольками», т.е. раковинками, которыми черемисы любили декорировать свою одежду.

Описывая в Материалах по географии и статистике России быт черемис Костромской губернии, населяющих Тоншаевскую волость Ветлужского уезда, Я.Крживоблоцкий отмечал: «...по сказанию нынешних черемис, их предки выселились в необитаемые леса Ветлужского уезда из разных мест Поволжья с намерением частично укрыться от рекрутства и государственных податей и найти места удобные для пчеловодства, звероловства и птицеводства. Преимущественно они живут в деревнях и весьма редко в починках. Черемисские деревни стоят всегда на местах высоких и холмистых...»².

Некоторые заметки Я. Крживоблоцкий делает и по одежде тоншаевских черемис Ветлужского уезда. «...На голове мужчины носят 4-х угольные шапки. Старики из домашнего белого сукна с суконным же заворотом. Молодые же носят шапки рабочие такие же, какие у стариков, а праздничные – суконные из покупного тонкого синего сукна или черного плиса, 4-х угольные же с мерлушечьей опушкой, без

Нагрудные украшения рубашки-туртур.

заворотов.

Летом мужчины носят вместо обыкновенной шляпы «накомарник». Праздничный шьется из тонкого полотна, а рабочий из пенькового холста шириною в 10, а длиною в 11 вершков (вершок – 4.4 см). Один конец этого полотна, сложенный вдвое, сшивается и сшитым концом надевается на голову, а другой конец – не сшитый, лежал на спине.

Старики и мужчины средних лет стригут волосы гладко, оставляя их только на висках и на затылке, кон-

цы которых подстригают. Молодые мужчины стригут волосы по-русски – «в кружок».

Женщины заплетают волосы в две косы, девицы же в одну косу, но лент и шнурков (шнурков) в косу никогда не вплетают, конец косы завязывают простой ниткой. Женщины на голове носят «сороку» вроде русских кокошников... Сорока эта имеет высоту в 5-6 вершков, в ширину – внизу по объему лба, а вверху...также от 5 до 6 вершков. Сорока вышита вся шелками и шерстями, а обыкновенная – домкрашенными шерстяными нитками. Поверх сороки носят 4-х угольный белый платок, обшитый кругом узором.

Девицы в домашнем быту ходят при одной косе, когда же бывают в гостях или на гуляньях – наряжаются, «во праздников наряд», который требует большего украшения, на голове носят такие же платки, какие носят замужние женщины. Девицы и женщины носят серьги, большей частью медные с большими кольцами из медной проволоки. Прочие уборы женщин и девиц составляют решта-кель, т.е. гайтан с крестом. Крест почти у всех медный – у всех разного размера. Гайтан надевается на шею поверх рубахи. Гайтан делается из толстой нитки, унизанной стеклянными бусинами...»

«...Зимой и летом мужчины носят на ногах суконные белые онучи, под которые «подвертка» из пенькового полотна или холста. В мокрое время на онучи надевают кожаные черные бахилы, а по праздникам носят кожаные сапоги. Женщины и девицы зимою и летом носят онучи и «подвертки» такие же, как и у мужчин, носят лапти, не употребляя ни котов, ни башмаков»³.

Верхнюю одежду обоего пола черемис составлял шабур (балухон) с маленьким стоячим воротником. Нарядный шабур шился из тонкого полотна, у мужчин ворот и полы обшивались синим или черным кантом, а женские одежды расшивались разными узорами. Стоит пояснить, что на мужских одеждах никогда не вышивались узоры, которыми расшивались женские, и это была характерная особенность в украшениях одежд черемис, которой они всегда придерживались.

Рабочий шабур шился из пенькового холста, но вышивок и узоров не имел. Более теплую зимнюю одежду черемис составлял межер (кафтан) и ужга (шуба). Межер шился из домашнего сукна, вытканного из овечьей шерсти, нарядный – из более тонкого и белого, а рабочий – из толстого и не столь белого сукна. Шуба – ужга, шьется из дублёных овчин одного покроя с шабуром, «сзади со сборами, но без кантов».

В 20-х годах XX века сотрудниками Костромского научного общества по изучению местного края, а в частности Зиминым, Зориним была собрана коллекция одежд черемис, проживающих в Тоншаевской и других волостях Ветлужского уезда Костромской губернии. Обратимся к этой коллекции одежд, хранящейся в настоящее время в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Лет 40 назад автору

Фрагмент украшения халата – шовыр.

этих строк участвовал в описании этой коллекции, а также участвовать в экспедициях по сбору дополнительных материалов и данных для описания народной одежды жителей бывшего Ветлужского уезда⁴.

Коллекция черемисского костюма состоит из женских, мужских и детских одежд: кафтанов, мужских и женских рубах, головных уборов и их украшений. Рассмотрим, какие виды одежд были характерны в начале XX века для группы

черемис – луговых, на территории Костромской губернии; каковы их названия, покрой, особенности тканей, украшения и способы ношения частей костюма.

Основными частями одежды черемисской женщины были: рубаха, передник, штаны, кафтан, лапти с онучами, головной убор и набор украшений к праздничной одежде. Все женские рубахи были туникообразного покроя без плечевых швов, прямыми, без боковых клиньев. Рубаха длинная, почти до щиколоток, с длинными прямыми рукавами без обшлагов и манжет. Ворот рубахи имел четырехугольный вырез. Рубаха полностью украшалась вышивкой разноцветными шерстяными и шелковыми нитками – красного, оранжевого, коричневого, зеленого цвета. Вышивку располагали на груди, рукавах, спине, подоле. По подолу дополнительно нашивали полоски цветной ткани, тесьмы, нашивали пуговицы, бисер.

Рубаха обязательно подпоясывалась поясом. Пояса были домашнего ткачества и крашения – из разноцветных шерстяных ниток. Их шили из шерстяной ткани, которую обшивали кумачом. Свивали из узких полос в тонкий жгут. Концы поясов украшали кистями из

разноцветных ниток, полосок цветной тесьмы, пуговицами, бисером, медными бляшками.

Пояса, подпоясывая рубаху, не завязывали на узел, а застегивали на крючки или пуговицы на прорезные петли. На пояс подвешивались подвески, которые шили из ткани в виде прямоугольных или трапециевидных фигур, украшенных вышивкой, бисером, пуговицами, медными бляшками, кисточками из разноцветных ниток. Такие украшения предназначались только для праздничного костюма.

Под рубаху женщина-черемиска надевала холщовые из грубого конопляного холста штаны, которые были обязательной принадлежностью женского костюма. Носили их в любое время года. Праздничные штаны внизу украшались вышивкой. Штаны держались на «завязках», специальных узких тесемочках. Поверх рубахи надевалась верхняя распашная одежда прямого покроя. Это был кафтан «шовыр», который шили из толстой холщевой ткани домашнего ткачества. Праздничный кафтан украшался вышивкой разноцветными нитками – синего, зеленого, малинового и желтого цвета. Кроме вышивки на кафтан нашивалась цветная тесьма, полоски ткани.

На ноги надевали липовые лапти с онучами. Праздничные онучи шили из домотканого сукна коричневого цвета. Онучи обшивали кумачом, разноцветной тесьмой, нашивали листочки из гаруса, бисера, пуговицы, украшали медными бляшками и даже стеклярусом. Длина праздничных онучей была около 170 см. Носили онучи и из белого домотканого конопляного холста.

Основным праздничным головным убором женщин-черемисок Тоншаевской волости была сорока. Это был лопатообразный головной убор, шился он из холста домашнего ткачества и состоял из 3-х основных частей: очелья – налобника, 2-х боковых лопастей и позатыльни, которые обильно украшались вышивкой шёлковыми

и шерстяными разноцветными нитками – красного, жёлтого, зелёного цвета, обшивались тесьмой, монистами, бисером, кисточками из ниток. Сорока надевалась на особую жёсткую распорку «волосник», сшитый из холста в виде чепца с четырехугольным очельем. Сверху на сороку надевался холщовый головной платок, который завязывался под подбородком. Платок – «пипи» – шился из 2-х холщовых полос. Украшался вышивкой шерстяной ниткой красного, зелёного и жёлтого цвета, обшивался по краю полосками кумача, тесьмой.

Принадлежностью женского черемисского костюма было обилие всевозможных украшений – шейных, нагрудных, поясных, ушных.

В праздничные дни молодые женщины, девушки надевали на шею ожерелья из ракушек, нанизанных на нитку, из стеклянных бус красного и синего цвета, из медных трубочек, подвески из красного кумача на холщовой подкладке, с нашитыми по кумачу пуговицами, бисером жёлтого, чёрного цвета. Из нагрудных украшений носили подвески квадратной или трапециевидной формы из сыромятной кожи, обшитые с лицевой стороны кумачом, по которому сверху нашивали яркие полосы ткани, тесьмы, кисточки из ниток, монетки, цветной бисер, ракушки. Каждая женщина шила их по-своему, соблюдая при этом определенные традиции, существующие в той местности, где она жила.

Поясные украшения черемиски.

В качестве праздничного украшения черемисские девушки, молодые женщины носили околуюшные украшения. Это крупные серьги из медной проволоки в форме вопросительного знака, которые прицеплялись к головному убору около ушей. Серьги украшались крупной стеклянной бусиной, которая могла быть прозрачной, белого, зеленого или черного цвета. Украшения и материал для них покупались на ярмарках и местных базарах. Полный набор украшений был доступен лишь девушкам, женщинам из богатых семей.

Мужская одежда черемис состояла из мужской рубахи, штанов, кафтана, головного убора и обуви. Мужская рубаха – «тугор» шилась из белого дмотканого в основном конопляного холста. Покрой рубахи – туникообразный, при котором её передняя часть и спинка шьется из одного куска ткани без плечевых швов. В середине делается поперечный по утку разрез для ворота и боковой разрез для удобства надевания. Рукава длинные, прямые. Ворот – стойка, застежка на пуговицы на прорезные петли. Праздничная рубаха черемиса украшалась шерстяными и шелковыми нитками по подолу, вороту, по планке под воротом и по краю рукава.

Рубаха мужская подпоясывалась поясом, но в отличие от русских не с левой, а с правой стороны. Пояса были узкие, плетеные. Верхняя одежда мало чем отличалась от женской. Она имела название, «шовыр» – шили ее из тонкого конопляного холста белого цвета, была распашная в виде балахона прямого покроя. Праздничная – украшалась вышивкой на груди, спине, рукавах, по подолу разноцветными шерстяными нитками. На ногах носили лапти с онучами. Онучи (портянки) будничные шили из грубого узкого конопляного холста, праздничные, как и женские, или из дмотканого сукна, украшенного цветной тесьмой, гарусными кисточками с бисером и отороченного красным кумачом.

Детская одежда мало чем отличалась от взрослой одежды, сохранялся покррой ее, а вот сложные головные уборы, украшения, присущие женщинам, отсутствовали. Верхняя одежда для девочки шилась, кроилась, как и у взрос-

лых. Она была распашная, прямого покроя. Украшался халат вышивкой разноцветными шерстяными нитками. Вышивка – на подоле, на вороте, рукавах. Детские штаны шились из дмотканого конопляного холста белого цвета из 2-х полотнищ и на поясе крепились завязками из веревочек. Рубашки для девочек шили также из дмотканого конопляного холста. Ворот и рукава украшали вышивкой.

В заключение следует отметить, что вся черемисская одежда обильно украшалась вышивкой. Вышивание одежды, как отмечает исследователь марийской одежды Т.А. Крюкова⁵, занимало значительное место среди прочих занятий мариек. Узор непосредственно наносился на ткань без всякой канвы или рисунков, по счету. Вышивка была плотной. Выполнение узора требовало от мастерицы большого умения, надо было рассчитать строго по счету всё расположение узора, чтобы не были нарушены законы симметрии. Для вышивки использовали шерсть, тонко спряденную, которую затем окрашивали в домашних условиях. Культура домашнего окрашивания шерстяной нитки, отмечает Крюкова, у марийцев была весьма развитой и стояла на высоком уровне. Существовали установившиеся традиции техники окрашивания и употребления красок. Гамма красок марийской одежды состояла в основном из четырех цветов – красный, темно-синий, желтый и зеленый.

Вот такой была традиционная марийская одежда, отличающаяся от русской обилием вышивки с ярко красочными узорами.

*Сталина МАСАЛЁВА,
ст. научный сотрудник музея-заповедника
«Костромская слобода»*

Примечания

¹ Отто Генри Описание всех обитающих в Российском государстве. – СПб. 1799 г.

² Я. Крживоблоцкий. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генштаба. Костромская губерния. – СПб. 1861. – С.519-521.

³ Там же.

⁴ Материалы экспедиций в Шарьинский район Костромской области. 60-80 гг. XX в. С.Д. Масалева. М.Д. Шахова. Рукопись. Архив автора.

⁵ Т.А.Крюкова. Материальная культура марийцев в XIX веке. – Йошкар-Ола. 1956. – С.124-144.

ПРИГЛАШАЕМ В ДОМ РЕМЕСЕЛ «КОСТРОМСКОЙ СЛОБОДЫ»

Ткацкая мастерская «Дом ремесел» основана на базе Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода» в 2009 году на основе гранта «Поддержка народных промыслов и ремесел». Надеемся, что наша мастерская ручного ткачества позволит утвердить художественные производства как основу для развития туризма в крае.

На снимке: Марина Иванова, методист музея-заповедника.

НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ТУРИСТИЧЕСКИЙ СЕЗОН–2013

«МАСТЕР НА ЧАС» – так называется программа мастер-классов ткацкой мастерской музея-заповедника «Костромская слобода», в которую входят занятия:

- **ПО ТКАЧЕСТВУ:** «Как рождается домотканый половичок». Здесь вас ждут уроки ручного полу-ткачества и ткачества на старинных станках.
- **ПО ВЫШИВКЕ:** «Научитесь выводить узоры». Костромская вышивка в технике «тамбур».

- **ПЛЕТЕНИЕ:** «Ремесло плетения тканью». Здесь научат изготавливать плетёные изделия из ткани для вашего дома.

Длительность мастер-класса – академический час (45 мин.) Изделия, выполненные своими руками: мини-половичок, салфетка и другие, – участники программы получают в подарок как сувенир.

(Возрастные ограничения для участия в программе – от 12 лет).

Ждём вас по адресу: Кострома, Молочная гора, д.5,

Телефон для заявок: (4249) 31-28-23 или 37-25-04

Мастер-класс

РОЖДЕНИЕ И ЖИЗНЬ ПЕТРОВСКОЙ ИГРУШКИ

Гончарный промысел в Костромской губернии ещё в XIX веке существовал во всех уездах. Особенно славилась своими гончарами Сусанинская земля. Лучшие гончары жили в деревне Петровское. В конце XIX века все 27 дворов этой деревни занимались гончарным промыслом. Угасать промысел начал в 40-х годах XX века. И только два мастера – П.А. Иванов и А.В. Зайчиков, выполняли полный ассортимент традиционных петровских гончарных изделий.

П.А. Иванов впервые взялся за глину в 9 лет, и скоро под руководством отца Алексея Ивановича в совершенстве овладел ремеслом. Он был не только гончаром, но и плотником, и столяром, 33 года проработал в колхозе кузнецом. А с уходом на пенсию в 1972 году стал лепить игрушки, и это стало его главным и любимым занятием. Небольшие простые свистульки предназначались детям, а игрушки высотой 14–17 см – для взрослых.

Павел Алексеевич был единственным хранителем традиционного петровского искусства. Умер он в 1984 году, не оставив последователей. Но своими игрушками, созданными с 1972 по 1984 годы, он продолжил развитие одного из угасших на Костромской земле традиционных игрушечных промыслов – петровского. Не случайно поэтому петровскую игрушку часто называют ивановской.

Петровская игрушка очень отличается своим обликом от игрушек других видов. Она монохромна по цвету. Лепилась из глины красного обжига и обливалась глазурью – суриком. Украшалась петровская игрушка декоративно-точечным символическим орнаментом,

имеющим под собой обрядовый обереговый, охранительный смысл. Поэтому её можно назвать культовой игрушкой: помимо тотемных персонажей (медведя, быка, оленя) в ней присутствует образ Бабы – хранительницы очага. Это и Великая богиня – Мать-сыра земля, кони, олицетворяющие светило, дающее плодородие земле; птицы – метафора воздушных стихий, связывающих землю и небо.

ТЕХНОЛОГИЯ ЛЕПКИ

А теперь познакомимся с технологией лепки. Нам потребуется красная и серая глины. Для работы необходимо выбрать среднюю по составу глину – не жирную, и не сухую. Глину в равных пропорциях заливают водой и дают ей разбухнуть. Смесь перемешивают палочкой и отстаивают. Затем выкладывают в таз и на некоторое время оставляют открытой. Затем тщательно разминают и укладывают в полиэтиленовый пакет. Готовая для работы глина должна как тесто легко отставать от рук.

ЭТАПЫ ЛЕПКИ

1. Хорошо промятую глину раскатываем в пласти толщиной около 1 см и оборачиваем вокруг большого пальца.
2. Аккуратно замазываем соединительные швы. У нас в руках полая геометрическая камера, которая будет служить туловищем для игрушки.
3. Намечаем место, где у игрушки будет располагаться свисток.
4. С противоположной стороны вытягиваем шею. Далее лепим головку.
5. Вытянув плоский клюв, можно слепить утку, завернув хохолок и приделав гребень – петуха и курочку. Приделай рога – выйдет олень, коза или баран. Фигурки Петровских игрушек стоят на трёх опорах – двух ножках и третьей опоре – туловище.
6. Ноги лепим из двух жгутиков глины, которые прилепляем внизу. Основной этап лепки завершён.

Но при изготовлении свистка не обойтись без специального инструмента – стека, который представляет собой заострённую палочку, сужающуюся книзу. Толщина, ширина и длина этой палочки у разных мастеров варьируется. Делается она из любых пород дерева. Ширина стека колеблется от 5 мм до 1 см, длина произвольная. В разрезе стек представляет собой эллипс. Изготовление свистка требует особой аккуратности мастера, так как малейшая деформация может сыграть свою отрицательную роль, и свисток не будет звучать.

1. Вначале прокалываем камеру стеклом вовнутрь под небольшим углом, примерно в сантиметре от сужающейся части.
2. Затем опять же под небольшим углом вводим стек в хвост изделия и ведём его до пересечения с первым отверстием. Конец стека должен ровно выходить на край первого отверстия. Проверить правильное исполнение

глиной и поискать их ещё.

Окончательную завершённость петровская игрушка приобретает после декоративной отделки стеклом или различными штампами, имеющими в основе либо крест, либо кружок и т. д.

свистка, можно посмотрев во второе отверстие на свет. В проеме второго отверстия должен чётко просматриваться край первого.

3. Для того, чтобы игрушка пела, а не просто свистела, в боковых поверхностях прокалываем несколько отверстий, так называемых резонаторов. При правильном месторасположении резонаторов игрушка свистит выше и звонче. При неправильном, может перестать свистеть или звук её становится более размытым и «грязным». В этом случае нужно залепить резонаторы

*Зульфия ЗАГИТОВА,
методист музея-заповедника
«Костромская слобода»*

Приглашение

Записаться на мастер-класс «Петровская игрушка» можно по телефону музея-заповедника «Костромская слобода»: (4942) 31-28-23 или 8 920 640 13 88.

Приглашаем заинтересовавшихся жителей Костромы и гостей города на освоение ручной работы с глиной. Мастер-класс может быть также посвящен и изготовлению обрядовых кукол: столбушка, пеленашка, свадебная-неразлучники, мартиничка, зайчик на пальчик и другие.

За время мастер-класса каждый изготовит для себя одно из этих изделий на память.

Костромской фольклор

«Во что вслушиваются наши дети...»

Первое собрание русских колыбельных песен было издано Павлом Ивановичем Андрониковым в его типографии в Костроме в 1888 году.

Предваряя эту небольшую книжечку, Андроников отмечал: «Мне давно хотелось собрать эти зерна, чтобы иметь понятие о том, во что вслушиваются первоначально наши дети и какие образы нравственного мира останавливают на себе их раскрывающееся внимание...»

Русская литература бедна подобным материалом, и это маленькое собрание колыбельных песен стоило мне не скажу чтобы мало труда и времени. Я собирал их более 15-ти лет. Подобного собрания, как известно, в России нет». В сборник «Баюшки-баю» вошли как песни литературного происхождения (стихи А.Майкова, М.Лермонтова, Л.Мейя, С.Дерунова и других русских поэтов), так и фольклорные тексты. Знакомим наших читателей с некоторыми из них.

Уж вы, нянюшки,
Уж вы, мамушки
Водитесь, не ленитесь!
Старые старушки,
Укачивайте!
Красные девицы,
Убаюкивайте!
«Спи с Богом, со Христом,
Спи со ангелами,
Спи, дитя, до утра,

Спи до солнышка!
Будет пора,
Мы разбудим тебя».
Сон ходит по лавке,
Дрема по избе.
Сон говорит:
«Я дремать хочу».
По полу, по лавочкам
Похаживают,
Ванюшке в зыбочку
Заглядывают,
Спать укладывают.

Бай, качи, качи, качи!
На улице калачи,
За улицей прянички,
В огороде яблочки.
Бай, качь, качь, качь!
Привезет отец калач,
Матери саечку,
Дочери китаечку.

Стану, стану я качать,
В балалаечку играть.
Баю, баюшки-баю,
Баю дитятку мою.
Баю, баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

Прилетели к нам гули

О люли, о люли,
Прилетели к нам гули.
Гули сели на ели,
Разговоры завели.
Они стали ворковать,
Чем нам Татичку питать:
Сахарком или медком,
Повалишки с молочком?
С молочка брюшко болит,
А с повалишки спать валит.

Баю-баю, ши хлебаю,
пустоварочку варю,
Мово Сашеньку кормлю.

Баю-баю, баиньки,
Не сходит ли к барыньке?
Что барынька делает?
На печи обедает.
Ши хлебает, каши нет —
Плох у барыни обед.

Соловейко-соловей,
Ты гнездо себе не вей!
Прилетай ты к нам в садок,
Под высокий теремок.
Баю, баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!
По кусточкам попорхать,
Спелых ягод поклевать,
Солнцем крылышки пригреть,
Оле песенку пропеть!
Баю, баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!

Ой баю, баю, баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляну едят.
Кашка мнется,
Ложка гнется,
Глазки выскочить хотят.

Ой баю, баю, баю,
Не ложися на краю.

А то с краю упадешь,
Всю головку разобьешь.
А ложися в зыбочку,
В самую середочку.
Придет серенький волчок,
Схватит Сашу за бочок
И потащит во лесок

Под малиновый кусток.
Как малинка упадет
Прямо Сашеньке в роток.

Баю-баю, баиньки,
Купим Мише валенки
На ножки на маленькие
Бегать по завалинке.
Будет Мишенька ходить,
Новы валенки носить.

Записано у Е. Шаминой д. Кузнецова
Красносельского района. 1994 г.

Байки, байки,
матери – китайки,
отцу – кумачу,

сестре – пуговицу,
а брату – луковицу.

Байки, баюшки, баю,
Не ложися на краю,
С краю скатишься,
Мамыхватишься.
Придет серенький волчок,
Вику схватит за бочок,
Вику схватит за бочок
И утащит во лесок.
Во дремучий во лесок.
Не услышим голосок.
Баю, баю, бай,
Свои глазки закрывай.

Записано у Е. С. Косаревой,
1927 г. рождения, в с. Троишском
Шарьинского района. 1994 год.

Пестушки, потягушеньки, порастушеньки

Распеленав ребенка, его кладут на подушку
или постель отдохнуть от пеленок, пестуют,
ласково поглаживая и приговаривая:

На кота потягушки,
На дитя порастушки.

Потягунюшки,
Порастунушки,
В ножки – ходунушки,
В роток – говорок,
А в голову – разумок.

Потягушечки, Порастушечки!
Поперек толстушечки!
Руки – хватушечки,
Ноги – бегушечки.

Кыши, кыши,
Расти, Тоня, выше,
До хором, до крыши.

Играя, перекачивают головку ребенка по
подушке:

Мешу, мешу тесто,
Есть в печи место,
Пеку, пеку каравай,
Головоньку – валяй, валяй!

Поют, катая ребенка на подушке:
Тушки!
Тутушки!
Сели
На подушки.
Пришли

Подружки,
Столкнули
С подушки.
Тюшки, тютюшки!
Веселы ли, душики?
Подниму дочушку
На крутую горку,
Бух! Покатились –
С горки свалились.

КУЮ, КУЮ НОЖКИ!

Легонько пошлепывают по подошвам ножек:
Токи, токи, тошки,
Кую, кую ножки.
Ножки у Антошки
Едут по дорожке,
Дорожка кривая,
Ни конца, ни края,
Грязь по колено,
Лошадь охромела.
Топ, топ, топ,
Приехали!

ЛУНЬ ПЛЫВЕТ

Учат ребенка осознанному движению руками. Медленно разводят в сторону ручки и медленно, певуче говорят:

Лунь плывет,
Лунь плывет...
После этого берут ребенка у кистей, помахивают ими, подражая движению крыльев птицы, и говорят скороговоркой:
Галки летят,
Галки летят!
Чаварыки, чаварыки!
Лунь плывет /протяжно/.
Чаварыки, чаварыки!
Лунь плывет.

По материалам этнографических экспедиций КНО в Костромской, Ивановской, Ярославской областях. 1920-е годы.

«ЛАДУШКИ, ЛАДУШКИ

Сопровождается движениями рук:

Ладушки, ладушки,
Испечем оладушки,
На столик поставим,
Остывать заставим.
А остынут — поедим
И воробушкам дадим.
Воробушки сели,
Оладушки съели
И к-ш-ш — полетели,
Полетели, полетели.

Сорока-ворона кашу варила,
Гостей приманивала,
Заваривала, заманивала:
– Приходите, гости,
С красным ложкам!

Показываем ребенку поочередно на каждый его пальчик:

Этому дам: он кашу варил,
Этому дам: он печку топил,
Этому дам: он дрова носил.

ЗАКЛИЧКИ

Дождик, дождик, помочи,
Чтобы травушке расти.
Дождик, дождик, доле —
Дам гоноболя.
Дождик, дождик, пуше —
Дам тебе гуши.
Дождик, дождик, лей, лей, лей,
На меня и на людей.
А на бабу Ягу
Лей по целому ведру.

Записано у Н.В. Ивановой 1913 года рождения,
д.Быстрово Макарьевского района. 1980 год.

Загадки

День висит, болтается,
Ночью в дырочку спускается.
(Дверной крючок).
Записано у В.И. Степановой,
д. Старово Макарьевского района 1985 год.

Вечером вечерится,
Под подолом шевелится,
Ночью мудрится,
Утром пудрится.
(Квашня с тестом).

Записано у В.М. Пономаревой,
д. Манылово Макарьевского района.

Домик лубяной,
Хозяин немой.
(Люлька с ребенком).

Криво, лукаво к лесу бежало,
Зелено, кудряво спрашивало:
– Криво, лукаво, куда побежало?

Пословицы и поговорки

Не всякая поговорка для нашего Егорки.
Лучше с умным потерять, чем с глупым найти.
Видит око далеко, а ум еще дальше.
Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит.
Умный молчит, когда дурак ворчит.
Ум за морем не купишь, если его дома нет.
Поехал за море теленком, вернулся бычком.
Под носом взошло, а в голове не посеяно.
Не учи рыбку плавать, а собаку лаять.
Хороша веревка длинная, а речь короткая.
За твоим языком не поспеешь босиком.
Востер язык, да дурной голове достался.

– Зелено, кудряво, тебя сторожить.
(Рожь и огород).
Записано у М.М. Бардакиной,
д. Кондратово Иакарьевского района.

На небе есть, на земле нет.
У бабы две, у девки — нигде.
У кобылы посередине.
(Буква “б”).
Записано у А. А. Охлопкова, г.Макарьев.

Плел мужик плетенки,
В три дня плетенку,
Отдавал по три на деньгу,
Плел девять дней —
Сколько выплел рублей?
(Один).
Записано у Г.А. Демьяновой, д. Ильинское Макарьевского района.

*Вновь открыта для посещения
туристов и гостей города в музее-заповеднике
«Костромская слобода» –
церковь Собора Богородицы.
Телефоны для заказа экскурсий:
(4942) 37-25-73; 37-25-04*

Родиноведение: этновектор

ОТХОД КРЕСТЬЯН КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ЗАРАБОТКИ

ПО МАТЕРИАЛАМ «ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» КН. В.Н. ТЕНИШЕВА

«Этнографическое бюро» князя Вячеслава Николаевича Тенишева было создано в 1897 г. для сбора этнографического материала о крестьянах и «городских жителях образованного класса» России. Будучи позитивистом по своим воззрениям, он считал необходимым знание администрацией «поступков и поведения управляемых» [1]. Сбор материала вёлся на коммерческой основе. В.Н. Тенишев выступил не только главным идеологом проекта, но и спонсором. На осуществление задуманного было потрачено 200 тыс. рублей, весьма значительная сумма для рубежа XIX–XX вв. «Крестьянская программа» была успешно реализована в 1897-1900 гг. По разработанной В.Н. Тенишевым программе [2] 350 корреспондентов из 23 губерний Европейской России [3] собрали уникальный материал.

В настоящее время ответы на вопросы программы хранятся в Российском этнографиче-

ском музее [4]. С 2003 г. коллектив музея приступил к публикации этих материалов. В первый том вошли материалы по Костромской и Тверской губернии [5]. Корреспондентами «бюро» являлись сельские учителя: М.С. Ветюгов, И.М. Воропонов, И.П. Григорьев, Н. Колосов, В.В. Решеткин и А.П. Травина, а также студент Демидовского юридического лица, а затем – Вологодской духовной семинарии Я.И. Кузнецов, его отец, фельдшер, И. Кузнецов, крестьянин И.О. Костин и ещё четыре человека: В.И. Андреева, А.Н. Макаров, К.И. Рошин, Н.Путьковский, профессиональная принадлежность которых не установлена [6].

Рукописи повествуют об образе жизни крестьян Буйского, Ветлужского, Галичского, Макарьевского, Солигаличского, Чухломского уездов Костромской губернии. Кроме того, имеется информация о крестьянах Павинской и Вознесенской волостей Никольского уезда

В.Н. Тенишев.

Вологодской губернии [7]. Попутно следует заметить, что в один из периодов существования бюро его заведующим, на котором лежала конкретная организационная работа, был уроженец Костромской губернии Сергей Васильевич Максимов [8].

В нашем исследовательском поле – северо-западные уезды Костромск. губ. [Галичск., Солигаличск., Чухломск.], в которых получил распространение отход крестьян на заработки [9]. «Нет дома, где не было бы одного, двух и даже трёх питерщиков [10]. Иногда отец со всеми сыновьями, как женатыми, так и холостыми, работает в Питере» [11]. В связи с этим корреспонденты подмечали, что главным воспитателем ребёнка [в частности, религиозное воспитание] в деревне была мать, а в столице – отец. Аналогичной была ситуация и в Гнезниковской вол. Солигаличск. у.: «Мужики все поголовно уходят в Питер...» [12]. Но были местности, где отход не приветство-

вался. Так, в Стайновском и Ержинском приходах [13] Галичск.у. на заработки отправляли только сыновей, а домохозяева [отцы – О.С.] жили в деревне [14].

Отход из Костромск. губ. был мужским, за редким исключением. Только невозможность девушки выйти замуж в своей местности или бедность семьи могли вынудить родителей отправить дочь на заработки [15]. Девушка, работавшая в городе, в услужении, не считалась хорошей невестой, её редко кто мог взять в жёны. Преобладающее направление отхода для населения данной местности – Санкт-Петербург, Москва. Появление термина «питерщик» симптоматично. Профессии мужского отхода – плотники, маляры [Галичск. у. Свиньинск. вол.]; маляры, водопроводчики, столяры, печники, стекольщики [Солигаличск.у. Гнезниковск. и Чудцовск. вол.] [16]. Профессии мастерства переходили от отца к сыну [17]. Профессии же предопределяли и время отхода – от Великого поста [весна] до Покрова Пресвятой Богородицы [14 окт. по новому стилю].

Трудоустройство облегчалось тем, что в деревнях были свои подрядчики – богатые крестьяне: Седовы в д. Льгово, Даниловы в д. Елезова, Полякин в Шокше, Постников в д. Починка и множество других [18, Галичск.у. Свиньинск. вол.]. К ним же пристраивали и мальчиков в ученичество на три года [с 12 до 15 лет]. Родители получали за этот период от 30 до 50 рублей [19]. В течение этих трёх лет мальчик проживал в столице безвыездно. В период, значимый для социализации, крестьянский ребёнок был дистанцирован от общины и церковного прихода, что не могло не сказаться на его воспитании. Можно предположить, что это приводило к деформациям в крестьянской культуре в целом, так как процесс трансляции традиции в условиях преобладания бесписьменного способа передачи информации нарушался. Вместе с тем, можно подметить и регенерирующую способность традиции в ином, столичном, культурном пространстве. Общинно-приходские отношения

там восстанавливались за счёт совместного проживания представителей артели, крестьян одной местности, а, значит, и посещения одного из близ расположенных храмов, деревенской традиции гостеваний в дни праздников, создания благотворительных обществ по географическому принципу и т.д.

Подрядчики нередко деньги на приобретение или ремонт жилища, на свадьбу, приобретение скота, наконец, на дорогу до места работы, Санкт-Петербурга, давали вперёд [20]. В д. Льгово Галичск.у. существовала целая улица домов, построенная подрядчиком Седовым, отчего она и стала называться Седовская. Подобные случаи были далеко не единичны. В этом случае работники не могли покинуть хозяина до тех пор, пока не расплатятся, и притом получали заработную плату более низкую [21]. Существовала и практика займа денег у более зажиточных крестьян, живущих в деревне. В роли заимодавца могли выступать: разбогатевшие крестьяне, вдовы, незамужние женщины, иногда духовные лица или их вдовы и дочери, не вышедшие замуж [22]. Деньги выдавались под залог домашних вещей: часов, шуб, женских пальто и т.д. Причём, женщины, дававшие в долг, процентов деньгами не брали, а заставляли должников расплачиваться подарками или различными услугами: поездка в город, в гости и т.д.

Были ли отход экономически выгодным? Корреспонденты иногда замечали, что «крестьяне, занимающиеся отхожим промыслом, живут хуже и нуждаются больше тех, которые живут дома и ведут хозяйство сами» [23]. В частности, приводится сравнительная характеристика хозяйств крестьян д. Льгово Галичск.у. Лаптева Фёдора Андреева, постоянно жившего в деревне, и отходника-маляра Арсения Иванова Белова. У первого семья состояла из 5 человек. Держал 2 лошадей, трёх коров и трёх овец-маток. Нанимался обрабатывать землю, что давало ему возможность заработать до 60 рублей. Зимой занимался извозом. Жил без нужды: подати были все уплачены, вся семья

С.В. Максимов.

одевалась чисто, имел лишнюю копейку. Маляр жил с сыном в Петербурге. Зарабатывали до 550 рублей в сезон. Семья состояла из 7 человек: муж с женой, два сына [один с отцом в отходе, другой, глухонемой, работал сапожником и жил отдельно в Галиче] и три дочери. В хозяйстве была только корова, земля сдавалась в обработку за 40 рублей. Жили в доме, построенном подрядчиком Седовым, ещё не выкупленном до конца [24]. Семья одевалась «франтовато». По сообщению корреспондента, зиму жили в долг. Вместе с тем, тенишевский корреспондент тут же пишет о том, что ремонт дома, свадьба, покупка скота производились на деньги, присланные питерщиками [25]. С точки зрения сельского учителя, человека, жившего в деревне, каковым был корреспондент, образ жизни коренного крестьянина – наиболее целесообразен и нравственно оправдан. Но нельзя не заметить, что и с точки зрения хозяина-крестьянина, жившего в са-

Маляры-отходники из д. Сусуево и Полутово Корцовской волости Солигаличского уезда.

Данила Смирнов (сидит) и его сын Михаил, маляры-отходники из д. Рогово Корцовской волости Солигаличского уезда Костромской губернии. Нач. XX века.

мый разгар сельскохозяйственных работ за пределами деревни, такой подход к организации его хозяйства тоже был оправдан. Его хозяйство было переориентировано с учётом особенностей образа жизни. Сошлёмся и на авторитетное мнение всемирно известного философа, социолога и писателя Александра Александровича Зиновьева, уроженца д. Пахтино Чухломск.у., родившего в семье маляра-отходника, который писал, что хотя чухломская земля и была неплодородной, но «район был одним из самых культурных и зажиточных в России» [26].

Как отмечали корреспонденты, среди девушек северо-западных уездов идеалом жениха был питерщик. Распространённость отхода вообще оказала существенное влияние на гендерные отношения. Как уже было сказано ранее, летом вся мужская молодёжь уходила в Питер. Кто оставался дома, за жениха не признавался [27]. Устойчивый интерес к женихам-отходникам кажется удивительным. Деревенские девушки не могли не знать о том, что судьба питерщиков порой непредсказуема. Те, кто не выдержали испытаний столичной жизни, возвращались домой «на липовой» машине (пешком, в лаптях), тогда как туда ехали на паровой. Таких нерадивых отходников могли повергнуть публичной порке, лишить части наследства [28]. Чем же привлекал питерщик? Выход замуж за отходника вселял надежду на достаток и социальное восхождение. Жениха выбирали из зажиточной семьи и без пороков, где меньше братьев, чтобы был красивым, видный ростом [29].

Девушки ждали с нетерпением Покрова, когда по деревням начинали брякать колокольчики и бубенчики [30]. На беседы [форма молодёжного время провождения] юноши появлялись в шегольских пальто, пиджаках и брюках, ярко-красных, синих, голубых, алых рубашках из шерстяной материи с вышивкой, с часами на серебряной цепочке. На ногах, взамен лаптей и валенок – сапоги и калоши. Последние являлись непременным атрибутом шегольства [31]. Калоши носили тогда, когда

было сухо и тепло, а в дождливую погоду, напротив, их, боясь испачкать, оставляли дома. Дома калоши ставились где-нибудь на видном месте. В деревне этого времени распространился обычай брить усы и бороду. Распространение курения в деревне также связывали с пребыванием в столице [32].

Отцы-отходники заботились о том, чтобы удачно выдать дочь замуж, а потому не скупилась на наряды. Девушки шили одежду у городских портних по картинке [33]. На смену русскому костюму приходила городская одежда из промышленных шерстяных, шёлковых, ситцевых тканей. На голове носили шляпки из соломы. На руках перчатки. Корреспондент отмечал, что во время хоровода особенно богато были одеты дочь крестьянина, торгующего в Питере мясом, и дочь сельского мельника [34]. Непременной принадлежностью костюма был и зонг. Причем дождевой зонтик носили раскрытым даже в солнечную погоду. А зонг от солнца не всегда использовался для защиты от солнечных лучей [35]. Девушки пользовались косметикой: белилами, румянами, духами. Представители некрестьянских сословий отмечали её неумеренное употребление.

Свадьбы приходились на «мясоед» [время после Рождественского поста]. Молодые непременно должны были получить родительское благословление [36]. Пару старались подбирать «ровню», т.е. чтобы семьи были примерно одинакового достатка [37]. Учитывалось и взаимное желание молодых (хотя и не всегда), но оно могло быть продиктовано и не сердечным влечением [38]. В некоторых местностях была традиция давать «выводное» за невесту, то есть выкуп. Ни одна хорошенькая невеста без выводного замуж не пойдёт, сообщил корреспондент Галичского уезда [39]. Хотя вблизи г. Галича, в пригородных деревнях, напротив, давали приданое с невестой, за балованность [40]. В качестве приданого выговаривались перчатки, шляпа, зонг, калоши [41]. Эти вещи служили символом достатка, богатства.

Афанасий Кокоринов и его жена. Подрядчик в Санкт-Петербурге из д. Нелидовка Костромского уезда. Нач. XX века.

Крестьянские девушки, дочери отходников, (слева – направо) Е.Н. Катенькова и П.А. Власова. 1910 год.

Деньги на свадьбу занимали у подрядчиков. После свадьбы девушка переходила жить в дом жениха. Однако вскоре, с наступлением Великого поста, наступала разлука. «Молодые бабёнки чуть не затопляют своими слезами свой древний родимый город Галич, провожая Великим постом молодых мужей своих в Питер» [42]. Отношение к жене [семье] отходника в условиях совместного проживания с родителями и родственниками мужа предопределялось тем, насколько удачлив был отходник в заработках; сколько денег присылал домой. Заработанные деньги отходник, по установившейся традиции, должен был присылать на имя хозяина дома или [если его не было] – матери, распорядителя домашним хо-

зяйством. Если хозяин дома присланные гостинцы считал излишними, то он убирал их к себе, если даже это были женские вещи: платок или ботинки. Глава дома был убежден, что подарки могут избаловать сноху, «ослабив принцип подчиненности и к свекру и к мужу» [43]. Муж с женой не имели возможности переписываться друг с другом напрямую. Жена могла послать весточку мужу только в письмах, которые писал свекор.

Из всего изложенного выше мы видим большие информационные возможности Тенишевского архива для изучения отхода крестьян на заработки в столицу: масштабы отхода, его географические, временные, профессиональные, половозрастные характеристики,

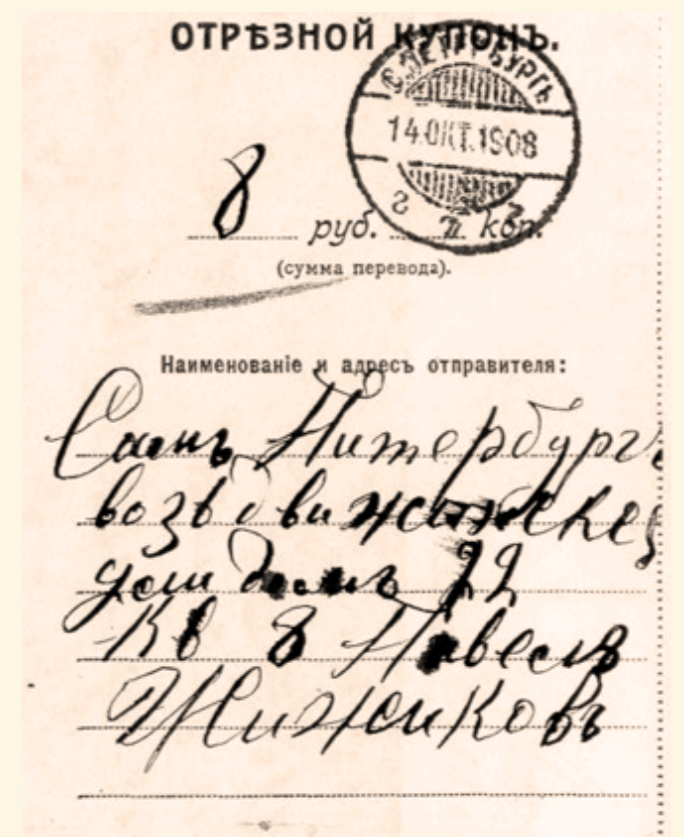
Артель костромских отходников-маляров.
Первый справа (сидит) — Павел Кириллов, десятник; рядом с ним — Дмитрий Воронин, подрядчик из Петербурга.
Нач. XX века.

трансформация внутрисемейных отношений, предметного мира российской деревни на самом рубеже XX века. Значимость собранной Этнографическим бюро информации велика ещё и потому, что материал даёт представление о предреволюционной деревне, которая стремительно изменится в советский период.

Ольга СМУРОВА,
доктор исторических наук,
профессор КГТУ

Примечания

1. Тенишев Вячеслав Николаевич [1843, Варшава, – 25.4 (8.5). 1903, // slovari.yandex.ru.
2. Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Изд. 2-е, исправл. и доп. Смоленск, 1898.
3. Что такое «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева? // ethnovuseum.ru.
4. Рукописный отдел Российского этнографического музея, далее: РО РЭМ.
5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.
6. Там же. С. 566.
7. Там же.
Губерния (губ.)
Уезд (у.)
Волость (вол.)
8. Что такое «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева? // ethnovuseum.ru.
9. Отход на заработки – периодическое и достаточно длительное проживание за пределами своей местности с целью заработка;
10. Питершик – так называли в данной местности крестьян, уходивших на заработки в Санкт-Петербург.
11. Русские крестьяне. Указ соч. С. 174 (Галичск.у., Свиньинск.вол.).
Русские крестьяне. Указ соч. С.
12. Там же. С. 306.
13. Приход –
14. Русские крестьяне. Указ соч. С. 175.
15. Там же. С. 181, 333.
16. Русские крестьяне. Указ соч. С. 165, 300.
17. Там же. С. 300, 306.
18. Там же. С. 165.
19. Там же.
20. Там же. С. 165.
21. Там же. С. 251.
22. Там же. С. 382.
23. Там же. С. 250.

Отрезной купон бланка перевода.
8 рублей были отправлены отходником Павлом Жижиковым из Санкт-Петербурга в Солигалич Костромской губернии 14 октября 1908 год.

24. Там же.
25. Там же.
26. Зиновьев А.А. Русская судьба. Исповедь отщепенца. М., 1999. С. 13.
27. Русские крестьяне. Указ соч. С. 174.
28. Там же. С. 333.
29. Там же. С. 183.
30. Там же. С. 174.
31. Там же. С. 177.
32. Там же. С. 248, 296.
33. Там же. С. 247.
34. Там же. С. 307.
35. Там же. С. 246-247.
36. Там же. С. 183.
37. Там же. С. 184.
38. Там же. С. 182.
39. Там же. С. 184.
40. Там же.
41. Там же. С. 247.
42. Там же. С. 216.
43. Там же. С. 333.

Каждый памятник деревянного зодчества музея-заповедника «Костромская слобода», как экспонат архитектурной экспозиции музея, несёт определённую информацию для посетителя. На своеобразных витринах музея – берегах реки Игуменки – собраны интереснейшие здания, по которым возможно изучать историю деревянного зодчества не только Костромской области, но и всей Центральной России. И каждое из них оказалось в Костроме неслучайно. В этом и в следующих очерках будет рассмотрена каждая группа зданий-экспонатов музея-заповедника, согласно их функционалу и типологической принадлежности. В данной статье речь идёт о некогда неотъемлемых элементах крестьянской усадьбы – амбарах.

КОСТРОМСКИЕ АМБАРЫ

Предназначенная для сохранения продуктов питания такая постройка, как амбар, занимала в усадьбе особое место. Крестьянин ставил амбар «на глазах» – т.е. на виду, но при этом не в составе хозяйственного двора, а на некотором отдалении. Таким образом сохраняемые запасы оберегались от пожара, уничтожавшего иногда целые деревни. Эффективное сохранение инвентаря, запасов продуктов, а, главное, запаса зерна для весеннего сева, служило залогом выживаемости крестьянской семьи в непростых экономических и природных условиях Костромской губернии.

Амбар как простейшая по структуре хозяйственная постройка крестьянской усадьбы – неотопливаемая, в большинстве случаев однокамерная, наиболее понятно, выпукло, ясно иллюстрирует особенности и черты деревянного зодчества. Характерные конструктивные решения – бревенчатый сруб, рубленый «в чашу», самцовая кровля по потокам и курицам, выразительные выпуски-помочи и шелом – всё это, выступая на первый план в восприятии облика сооружения, делает амбар интересным объектом для музейного показа.

Как и у большинства традиционных деревянных построек, в основе амбара лежит рубленая клеть. На базе этой структуры, в ходе различных типологических преобразований и реконструкций, сформированы все довольно разнообразные по облику сооружения для хранения запаса зерна. Как в целом в деревянном зодчестве сочетание небогатого набора конструктивных решений и декоративных мотивов произвело на свет бесчисленное множество вариаций, так и единая общая функция – хранение, сопряжённое со скромным набором конструктивных приёмов, представило обилие сельских и городских сооружений, с трудом поддающихся единой систематизации.

Но в 1981 году известный исследователь зодчества Русского Севера О.Севан разработала свои типологические таблицы для классификации разных хозяйственных, транспортных сооружений и малых архитектурных форм¹. В числе многих, была создана и типология амбаров. Географией границы исследования стали Архангельская и граничащая с севера с Костромской Вологодская области. Общность традиций и тенденций русского де-

ревянного зодчества предопределила то, что большая часть представленных в таблице типов характерна и для нашего региона.

В целом амбары Костромской области можно разделить по следующим характерным критериям:

- По количеству помещений – однокамерные, двухкамерные, многокамерные.
- По геометрии крыши – односкатная, двускатная с поперечным коньком, двускатная с продольным коньком (конёк, параллельный или перпендикулярный предместью)
- По количеству ярусов – одноярусные, двухъярусные, трёхъярусные.

Основные критерии показывают зажиточность крестьянской семьи и, дополнительно, характер застройки населённого места. Так, богатый крестьянин в торговом селе вполне мог соорудить трёхкамерный двухъярусный амбар – сравнительно крупное сооружение. В семьях с иным достатком довольствовались од-

ним однокамерным амбаром или двумя-тремя, поставленными, как правило, в линию.

Дополнительными критериями классификации можно принять такие: наличие, размер и характер ограждения предместья и галерей, характер резных и декоративных деталей – столбов, помочей, балясин, тип конструкции крыши и основания, материал стен и кровли и другие.

В отличие от традиционно привлекающих внимание уже нескольких поколений исследователей памятников культового или даже жилого зодчества, амбары Костромской области долгое время изучались лишь как элемент крестьянской усадьбы, без конкретного рассмотрения индивидуальных типологических особенностей. Соответственно, информации по данной теме было собрано немного. К рубежу XIX-XX веков относятся несколько ценнейших сейчас фотографий, отображающих амбары на фоне пореформенной костромской деревни (Илл. 1).

Амбар. Село Великово Солигаличского уезда. 1913 год. Фото из фондов Российского Этнографического музея. Илл. 1.

Двухъярусные амбары деревень Костромской низины. Фото 1950-х гг. Архив КСНРИПМ. Илл. 2.

В связи с формированием Костромского музея деревянного зодчества возникла дополнительная необходимость в изучении, обмерах и перевозе амбаров. В архиве ГПКО «Костромареставрация» в настоящее время собрана информация, выявленная в ходе экспедиций сотрудников реставрационной мастерской. Как и бывает в подавляющем большинстве случаев, информация собрана не только по перевезённым и отреставрированным амбарам, но и по объектам, ныне утраченным.

Мельница-шатровка с мельничным амбаром в деревне Ильинское Нерехтского района. Фото 1984 года. Архив КСНРИПМ. Илл. 3.

Как видно из фотоматериалов, собранных в архиве, в Костромской области, помимо представленного в музее деревянного зодчества типа сугубо утилитарной постройки, присутствовали и декоративно обогащённые, украшенные сооружения. Как и в целом в традиции русского деревянного зодчества, декоративно выделялись в первую очередь конструктивно ответственные элементы и строящие силуэт сооружения детали. К примеру, консоли-помочи, как правило, если не украшенные резьбой, то получающие характерный «авторский» профиль. Помочи, удерживающие свес кровли над предместьем – небольшой площадкой – наземной галереей перед дверью в амбар, наряду с другими деталями, и в первую очередь, пропорциями сруба, делали облик сооружения индивидуальным. Хозяин амбара, выделив амбар методами «архитектурного языка», отличал его среди многих.

Причём в зависимости от положения амбаров в сельской или городской усадьбе менялся их внешний вид, план, размеры основных элементов. Так, амбарные сооружения, изначально имеющие ограниченный функционал – хранение запасов зерна, со временем, в зависимости от локальных традиций и конкретной ситуации, получали новые функции. Часто это – хранение других запасов, например, сена (в таком случае амбары получали второй ярус – повить), хранение хозяйственного инвентаря, сушка трав, хмеля. Приобретая второй ярус, амбар, естественно, увеличивался в высоту. Изменение пропорций влекло за собой изменение облика сооружения. Взамен приземистого сруба, вписывающегося в пропорцию куба (следовательно, имеющего статичный характер), появляется иное сооружение, выразительно вытянутое по вертикали. Естественно, такой новый пропорциональный строй требует и нового решения фасадов. Возникает функционально оправданная галерея на уровне верхнего яруса, ведущая на повить (Илл. 2).

Декоративное оформление ограждения галереи, профиль и резной декор помочей-консолей выступают на первый план в экстерьере такого амбара.

Созданию уникального силуэта способствовало, как говорят современные строители и реставраторы, «индивидуальное изготовление» деталей, строящих силуэт здания. Шеломохлупень, курицы и потоки выступали здесь на первый план. Амбар – постройка неотапливаемая, а волоковые окна и некрупные продухи повити изначально не нуждаются в наличниках. Поэтому мастер, строитель амбара и выражает индивидуальность своего творения несколько иными инструментами, чем, к примеру, при строительстве жилого дома.

На стадии становления музея деревянного зодчества сотрудниками Костромской реставрационной мастерской были предприняты экспедиции по области. 26-27 марта 1967 года сотрудники мастерской побывали в деревнях Жарки, Ведёрки и селе Спас-Вежи. В отчёте

о командировке главный архитектор мастерской Калерия Тороп пишет: «Близ деревни, кроме бань, располагались амбары, которые также имели балконы-галереи на консолях. На балкон вела крутая лестница и потолочный настил использовался для подсушки и хранения зерна, хмеля и т.д.»². Приложенные к отчёту фотографии показывают общность конструктивного решения основания амбаров и бань Костромской низины. Половодья заставили костромских зодчих сменить традиционное для Верхнего Поволжья основание на валунах или окладном венце на более сложное в исполнении свайное или ряжевое основание. Перевезённые в Музей 4 курные бани на свайном основании дают достаточно полное представление о таком типе основания.

«Музей деревянного зодчества Костромской области» в первое время формировался стихийно. Впрочем, эта особенность отличает и многие последующие шаги градостроительного развития музея. Но даже в то время,

Амбар в усадьбе Тарасова, перевезён из дер. Мухино Вохомского района. Фото 2013 года. Музей-заповедник «Костромская слобода». Илл. 4.

когда речь шла о спасении уникальных памятников народной деревянной архитектуры области, архитекторы-реставраторы, создающие музей, не забывают и о скромных амбарах. Уже в первых редакциях генерального плана музея присутствуют амбары: из дер. Худобино, из дер. Большое Завражье. К сожалению, перевезены данные амбары не были.

Специалисты КСНПРМ изначально понимали ценность уже сформированных ансамблей и отдельных усадеб, где амбары играли важную градостроительную роль. Так, в «Акте обследования технического состояния деревянной ветряной мельницы из деревни Ильинское Нерехотского района Костромской области» (орфография сохранена) значится предложение по «переносу на территорию музея деревянного зодчества вместе с шатровой мельницей и амбар, представляющий единый комплекс с мельницей»³. Мельница-шатровка в настоящее время украшает музей-заповедник, в отличие от ныне утраченного стоявшего на историческом месте амбара. Крупный бревенчатый амбарный сруб, вторящий масштабу нижней части мельницы, не был даже обмерен. Амбар при мельнице остался лишь

Амбары из деревни Собакино Нерехтского района. Фото 1970-х годов. Илл. 5

в фотографиях (Илл. 3). В итоге в архитектурной экспозиции Костромского музея деревянного зодчества оказались 4 амбара – один в составе усадьбы Тарасова из деревни Мухино Вохомского района (Илл. 4). Другие три – компактная группа из восточного, среднего, и западного амбаров (ранее слагавшие усадьбу Новикова в деревне Собакино Нерехтского района) (Илл. 5). Амбары размещены, как и преобладающая часть памятников музея, на выигрышных для осмотра местах и удачно дополняют облик музейной «улицы». Амбары подчёркивают масштаб жилых памятников музея деревянного зодчества, служат удобной иллюстрацией для повествования о традиционных конструкциях самцовых кровель, также для рассказа о крестьянском хозяйстве и сельскохозяйственных работах. Кроме того, амбары эффектно дополняют самую представительную группу сооружений музея-заповедника – хозяйственного назначения. Все 4 представленных в экспозиции амбара имеют схожую датировку – конец XIX века, также однотипную структуру – это однокамерные амбары с параллельным предмостью коньком, завершённые самцовой кровлей с потоками по курицам. Пожалуй, единственным отличием нерехтских амбаров от вохомского является количество ярусов. Амбары из усадьбы Новикова имеют над основным помещением житницы повити для хранения сена. Таким образом, нерехтские амбары, перевезённые в Костромской музей деревянного зодчества, являются двухъярусными амбарами.

Их единственное декоративное отличие – высокий навес-залобник над предмостьем. Передняя стенка залобника всех трёх амбаров сложена из отёсанных снаружи брёвен, срубленных в лапу. Во-первых,

такое решение, без сомнения, несколько облегчает конструкцию залобника, целиком опирающуюся на помочи. Во-вторых, это создаёт кардинальное отличие фактур бревенчатой стены основной части сруба и отёсанной стенки залобника. Помочи восточного амбара имеют скромный, почти заурядный профиль – составленный из сочетания выкружек и вертикальных срезов в 1/3-1/4 диаметра бревна (Илл. 6). Несмотря на применение исключительно скромных декоративных средств, каждый амбар индивидуален, имеет своё «лицо». Это вызвано тем, что каждый из трёх нерехтских амбаров имеет особые пропорции. Крупный средний амбар фланкирован чуть меньшими, как в высоту, так и в плане, западном и восточном. Такая архитектурная композиция в полной мере говорит о всеобъемлющей ансамблевости русского деревянного зодчества – даже в такой небольшой группе сооружений хозяйственного назначения. Как отмечает О.И. Пруцын, «Характерная черта русской архитектуры во многом заключалась в её ансамблевости, а также в объёмно-пространственном построении, развитии и постоянном динамизме при сохранении архитектурного единства»⁴.

Перспективы развития музея позволяют надеяться на дальнейшее пополнение архитектурной экспозиции – перевоз пока не представленных типов сооружений. Несколько охраняемых государством памятников, находящихся в области, дают необходимую основу для этого.

*Сергей ПИЛЯК,
заместитель директора музея-заповедника
«Костромская слобода»,
аспирант Ивановского государственного
Политехнического университета*

Примечания

¹ Деревянное зодчество / Отв. ред. А.Б. Бодз. – Вып. 1. Новые исследования и открытия: сборник научных статей. Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории истории архитектуры и градостроительства. – М.; СПб.: Коло, 2010. – С. 250.

Средний и восточный амбары из деревни Собакино Нерехтского района. Фото 2013 года. Музей-заповедник «Костромская слобода» Илл. 6.

² Архив КСНПРМ. Ф. 5-В. Отчёт о командировке в дд. Жарки, Мисково, Спас-Вежи 26-27 марта 1967 г. – С. 3-4.

³ Архив КСНРиПМ. Ф. 14-Г. Акт обследования технического состояния и фотофиксация деревянной ветряной мельницы из деревни Ильинское Нерехтского района Костромской области.

⁴ Архитектурно-историческая среда. – М.: Стройиздат, 1990. – С.7.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ

*Я на Совете родился,
И на Совете живу.
Я на Совете женился
И на Совете умру.*

Экспедиция – удивительное событие для её участников, это феномен, при помощи которого расширяется пространство, уплотняется время, концентрируются познания.

Первого августа 2013 года исполнилось 35 лет моей работы в музее. Сколько же за это время было экспедиций? Наверное, больше тридцати... И где бы ни пришлось побывать, хочется приехать ещё и ещё, чтобы искать,

наблюдать, узнавать, осмыслять и снова пытаться проникнуть в неизведанное.

На Совете я была дважды. Это сравнительно небольшой регион в северной части Солигаличского района Костромской области, примыкающей к Вологодской области, названный так по наименованию местной речки – Совети. Местные жители называют себя «совегане».

На Совете..

Совегане долгое время были оторваны от Солигалича из-за бездорожья. Электричество появилось здесь только в 1960-е годы. Местные традиции отличаются от тех, которые бытовали в округе.

Было обследовано три основных куста деревень, сохранившихся на время экспедиций 2000 и 2001-х годов. Условно их можно разделить на две зоны, население которых имеет отличия в говоре, особенностях быта и фольклора, самосознании старожилов. Так, например, жителей деревень Большое и Малое Токарево и других называют – «бурь» (бурые), так как по словам моих собеседников, здесь жили «серые» люди, более «тёмные», чем в других селениях, говорили на «Ч» – «овча» (овца), «курича» (курица), «кажечча» (кажется)... У современных насельников эта особенность говора почти не сохранилась, хотя прослеживается в некоторых словах. Село Великово, деревни Прокашево, Макарово, Соболево и другие зовутся «волостными», считается, что люди здесь более грамотные, просвещенные.

В говоре совеган сохранились интересные особенности произношения, очень много самобытных слов и произношений: «басили» – украшали открытые пироги; «топышки» – пирожки из теста с добавлением картофеля, «кокоряга» – козлы для распиловки брёвен и пр.

В этой местности часто можно услышать старинные имена, произносимые по-своему: Енава, Фелица, Анфиноген, Алистарх и т.п. Хорошо сохранилась удивительно живучая, применяемая и в настоящее время, древняя традиция бытования прозвищ, которые давались ещё во времена пра-прадедов, дедов и отцов и даются сейчас.

На Совете долго сохранялась своеобразная традиция пения «долевых» (медленных) песен, которые пелись по-старому – «тоненько», невероятно интересны воспоминания о том, как плясали «пешком», то есть ходили медленно, плавно, перебирали ногами, тихонько притоптывая, без стука, дробей

и удали. Удалось услышать цикл самобытных частушек под гармонь – «Совеганка», «мужские» частушки, хулиганские частушки (под драку).

В свое время из района Совети в Костромской архитектурно-этнографический музей были вывезены четыре ветряные мельницы и «круглая» часовня. Храмовых памятников и мельниц на Совете не сохранилось, но удалось зафиксировать интересные традиционные жилые и хозяйственные постройки, многие из которых, к сожалению, в полуразрушенном состоянии. В здешних местах были распространены расписные интерьеры, мотивы росписи которых – растительный орнамент и сюжетные сценки.

Достопримечательностью Совети является школьный краеведческий музей в селе Великово, где собран хороший материал по истории и этнографии местного края. Инициатор и главный специалист этого музея – учительница Морозова Серафима Ивановна.

Замечательные люди живут на Совете, умные, красивые, гостеприимные, вольные по характеру, с высоким чувством достоинства и патриотизма. Они любят и ценят историю своего края, помнят и берегут песни, легенды, обычаи и традиции предков.

Необходимо отметить, что неотвратимый процесс ухода из жизни старожилов края, носителей традиционной культуры идет катастрофически быстро. Одновременно с этим очень скоро (прямо на глазах) разрушаются традиционные постройки – памятники народной архитектуры, уходит в небытие самобытная, богатая, накопленная веками народная культура. Поэтому экспедиционные выезды не просто необходимы, они обязательны, безотлагательны, чтобы выявить, зафиксировать хотя бы остатки локальных традиций, элементы истории и культуры края.

*Светлана ГУСЕВА,
заведующая научным отделом
музея-заповедника*

НА СТРЕЛКЕ РЕК ВОЛГИ И КОСТРОМЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ В XVI ВЕК

Объектом настоящего исследования является территория юго-восточной части Костромской низины – так называемая Стрелка рек Волги и Костромы или Ипатьевский мыс (в старину его называли «Ипатцкий», «Ипатский мыс») с ближайшей округой. Северная граница этой местности берет начало от р. Костромы, почти прямой линией проходит на Запад, вдоль южной крепостной стены Ипатьевского монастыря, далее также прямо следует вдоль улицы Гидростроительной, мимо руин закрытого кирпичного завода, окраинными (ближайшими к лугам и коллективным садам) жилыми домами частного сектора Некрасовского шоссе, вплоть до Святого озера и южных предместий деревни Некрасово (бывшая дер. «Святое», а еще ранее в эпоху Средневековья «Святоозеро»), дер. Стрельниково и с. Шунги. Западная – проходит от предместий дер. Тепры и с. Шунги до р. Волги, южная – по волжскому берегу, вниз по течению реки до места впадения в нее вод р. Костромы и восточная – вдоль

берега р. Костромы, от ее устья до стен Ипатьевского монастыря. Вплоть до наших дней в этой местности в большинстве своем сохраняются участки первозданной природной среды. Издревле эти земли своей необычайной красотой притягивали к себе взор человека и фактически с самых незапамятных времен пространство Костромской низины находилось в орбите хозяйственно-экономических отношений как местного крестьянского населения, так и простых жителей города, приходского и монастырского духовенства, представителей государственной власти, членов боярско-дворянских семейств и т.д.

Где-то в конце XIII в. у самой Стрелки рек Волги и Костромы (на правом берегу последней) усилиями предков костромских бояр Годуновых возводится Ипатьевский монастырь¹. В 60-е годы XVI в. Годуновы приблизились к московскому великокняжескому и царскому престолу и стали оказывать своему «родовому монастырю» активную материальную и поли-

тическую поддержку, особое значение в которой придавалось земельным пожертвованиям. Приобретая в собственность земли и проживающих на них крепостных крестьян, монастырь расширял источник своих доходов, существенно пополнял свою домовую казну, приобретал политический вес, особенно в глазах окружающего населения, в том числе и местной светской власти. А в 80-90-е гг. XVI в., когда Годуновы оказались на гребне высшей государственной власти (через их породнение с царской семьей), Ипатьевский монастырь благодаря их неистощимой энергии благотворительства, в особенности усердию бояр Д.И. и Б.Ф. Годуновых, преобразуется координально. Прежняя монастырская деревянная ограда заменяется более мощной каменной крепостной стеной и высокими башнями, обитель приобретает вид неприступной боевой цитадели².

С высоты вновь построенной в самые начальные годы XVII в. (до 1605 г.) монастырской звонницы далеко просматривалась земля Костромского Заречья, открывались виды на ржаные поля, сенокосные пожни, реки, речушки, озера, леса, деревушки и села, на маковки, шатры и колокольни далеких сельских храмов, на длинные извилистые дороги и идущих по ним путников. Можно было наблюдать следующие по Волге суда и даже целые купеческие караваны, идущие по воде плоты, доставлявшие в Кострому и другие волжские города строевой лес: дуб, сосну, ель, березу, осину и т.п. А также рыбаков, веселящихся в азарте от удачного улова, а на пожнях и нивах крестьян, утомленных работой и палящим солнцем.

Местность эта в ту далекую средневековую пору была уже многолюдной, фактически вся пригодная для хозяйственных целей земля находилась в обороте и имела в то время своих многочисленных собственников и пользователей. О том, что собой представлял в природном отношении этот уголок предместий Костромы, кому принадлежали его сельскохозяйственные и промысловые угодья, где конкретно в этой местности они находились и как

ими пользовались люди в те далекие времена и сообщается в настоящей работе. Исследование не претендует на роль детализированной реконструкции истории микрорегиона средневекового периода, прежде всего по причине отсутствия в нашем распоряжении достаточной источниковой базы. Тем не менее путем извлечения из опубликованных ранее археографами исторических источников (прежде всего материалов вотчинного архива Ипатьевского монастыря), мы попытаемся максимально близко подойти к тому времени и к тем людям, о которых сообщается в рассматриваемых старинных грамотах.

Одно из первых описаний земельных владений, располагавшихся в районе Стрелки рек Волги и Костромы в XVI в., содержится в Межевой грамоте 1561/62 года костромских писцов Василия Ивановича Наумова и Иная Ивановича Ордынцева на землю Ипатьевского монастыря от смежных поместно-вотчинных земель Ивана Федоровича Шишкина, Осипа Васильевича Полева и других владельцев³. В грамоте сообщается, что в районе сельца Святоозеро, примерно, в 2-х верстах на западе от Ипатьевского монастыря, эта обитель владела сенокосными пожнями Петрихой, Уской и Высокой веретейми, а также «болотцем ипатским», которые вплотную граничили со «Святозерский пожней» И.Ф. Шишкина, да с предместьями «Святозерской дороги». Границы владений отмечались межевыми знаками – гранями⁴ на приметных деревьях, ямами⁵ возле некоторых из них, осеками⁶ и другими знаками. «От ипатские пожни от Петрихи к дубу, а на дубу грань, а под ним ямы: а от дуба на яму, что яма в долу⁷; а от ямы долом поперек болотца осеком к дубу, а дубу грань, а под ним яма;... да подле Ускую веретейку Святозерскую пожнею долом подле болотца ипатского перелезши на другую сторону ипатские пожни Уские веретейки к другому болотцу к березе да к волхе⁸, а на них грани...» И далее межевщики подытоживали: «а от ивы прямо к ипатской пожне к Высокой веретее к березе, а на ней грань, а под нею яма – направе земля и лес и пожни Ипатско-

го монастыря, а напеве земля и лес и пожни Иванова поместья Федорова сына Шишкина селца Святоозера»⁹.

Этими же писцами В.И. Наумовым и И.И. Ордынцовым в 1562 году была составлена сотная выпись с писцовых книг на вотчины Троицкого Ипатьевского монастыря в Мерском и других станах и волостях Костромского уезда. В ней отмечалось, что в состав ипатьевских владений в то время в этом районе входила и «речка Игуменка от Святоозера вниз до реки до Костромы»¹⁰, участки русла которой и ныне тянутся к р. Костроме, между высокотравьем и кустарником Стрелки рек Волги и Костромы. Достаточно хорошо сохранился до наших дней участок р. Игуменки, проходящий по территории архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода» и далее вверх (на запад), в сторону лугов, примерно на расстояние полукилометра от музея.

Наиболее подробным описанием земельных и промысловых угодий, находившихся на территории Стрелки рек Волги и Костромы и примыкающих к ней землях, является Межевая выпись «с книг письма» Осипа Тимофеевича Плещеева, Михаила Ивановича Протопопова и дьяка Посника Шипилова на угодья Ипатьевского монастыря от смежных угодий Чудова монастыря и владений костромских помещиков, от 31 декабря 1594 года¹¹.

Как следует из этого документа, основной массив используемых людьми в своей хозяйственной деятельности земельных угодий был

распространен на площади с востока – от верховьев р. Игуменки и Святого озера к западу до дер. Тепры, Тепровского и Лубенского озер; с севера – от южных границ с. Шунги, дд. Тепры, Стрельниково и Святоозеро, далее на юг до береговой линии р. Волги. В соответствии с показаниями Межевой выписи, условно здесь можно выделить четыре локальных (обусловленных состоянием рельефа данной местности), но не абсолютно изолированных друг от друга земельных территорий, в границах которых находились угодья сельскохозяйственного назначения как светских, так и духовных владельцев.

Пожалуй, местом наибольшей концентрации этих земельных наделов являлся район пойменных мест верховьев р. Игуменки и Святого озера. Ипатьевский монастырь имел здесь, по нашим подсчетам, не менее 17-ти сенокосных поженей.

Самыми крупными из них были: пожня Зубачева, «поземная»¹² деревни Тепры да деревни Святой, в межах с посадским человеком с Михалком с Карцом да с ыпатцкими святозерскими пожнями, по Зубачево болота да Святого озера и вниз по Святому озеру до Толстые веретен, по смете тринадцатъ десятин»¹³, пожня Быковка, «поземная деревни Колебина, подле Березового озера от Савины пожни Ожегина и до речки до Игуменки...» (5 десятин земли), пожня Мыс, «поземная деревни Стрельниковы, в межах с ыпатцкою пожною з Быковкою да с Якуниною можнею Вараксина, по реку по

Кострому и по речку по Игуменку и по Дубенское озеро» (4 дес.) и пожня Княжая веретя, «поземная Святозерские деревни, по берегу Святого озера до верхней изголовки Святого озера» (3 дес.)¹⁴.

Здесь же рядом у костромской обители располагались еще три пожни: «пожня Долгуша да пожня Лазаревка да пожня Адашевка, в межах с пожною Ивана Безсолицына, до речки до Игуменки и к Святому озеру вверх по Игуменке, и те пожни пожною Долгушу дал к Живоначальной Троице в Ыпатцкой монастырь посадкой человек Федор Дементьев сын Короваев в 32 (1523/24)-м году, пожною Лазаревку дал посадкой черной поп Аврамей в 89 (1580/81)-м году, пожною Адашевку дали Гридя Ондреев сын Трутнев з братьею в 22 (1513/14)-м году, по смете на всех семь десятин»¹⁵. Не являлась ли ранее пожня Адашевка, до времени приобретения ее семействам Трутневых, собственностью известных костромских землевладельцев Ольговых-Адашевых? Например, боярина Федора Григорьевича Адашева, отца знаменитого сподвижника царя Ивана Грозного, боярина Алексея Федоровича Адашева (последний все же угодил в немилость к грозному царю и скончался в опале в начале 1561 года), усадьба которых находилась в черте костромского посада, на левобережье р. Костромы, в недалеком расстоянии от Ипатьевского монастыря¹⁶.

Пожня Слугинская

Нижние границы участка рассматриваемых земельных угодий спускались на юго-восток от Святого озера, до предместий озера Черного, где у ипатьевских старцев находилась «пожня Слугинская» (1,5 дес.)¹⁷ и, видимо, где-то здесь у этих же старцев были «пожня Вязовка, Глазовка тож, за речкою за Игуменью» (2 дес.)¹⁸ и «пожня поземная подле Святого озера от Васильева конца по стороне реки Волги вниз против Тиноватых тонь... по смете треть десятины»¹⁹. Площадь всех сенокосных поженей, которыми владела в этой местности ипатьевская монашеская община, составляла где-то 42,3 десятины земли.

Здесь же, в межах с угодьями Ипатьевского монастыря, находились и сенокосные пожни других собственников. Московскому кремлевскому Чудову монастырю в этом месте принадлежали пожни: Потеребец, Середняя, Халевин Потеребец, Шатеринская, Колчеватка, Рошек²⁰. Сенокосные пожни тут также держали священники, очевидно, городских Вознесенского и Успенского храмов, посадские жители Костромы Михаил Карцов, Максим Сохин и Юрий Ондреев сын Захаров, крестьяне князя Ивана Михайловича Глинского Иван Крошкин, Иван Чемоданов (он же в документе записан еще как «Чомоданов»), Доронка Башунин, а также крестьянин «деревни Святозерские» Трофимка Парфеньев и другие владельцы, сословная принадлежность которых в изучаемом документе не указана: Василий Харламов, Сава Ожегон, Якун Вараксин и другие²¹.

Стрельниково

Другим местом сосредоточения сенокосных участков разных владельцев можно назвать район юго-западных предместий дер. Тепры и Тепровского озера, села Шунги и часть дер. Стрельниково. Крупнейшим собственником земельных наделов здесь опять же выступает Ипатьевский монастырь. Ему в этой местности принадлежало не менее 12 сенокосных пожень общей площадью 26,5 десятин земли. Из них крупнейшими были «пожня Три гривы Юрьинские от Тепровсково рубежа подле Теперское озеро» (8 дес.)²², «пожня Дияконицею подле Ворское озеро, да к ней припущена старая поженка Колода, в межах с ыпатцкою пожнею с Вастьяновъкою да с пожнею з Глазвкою... по смете на обеих семь десятин»²³, «две пожни Глебовская да Стрелниковская, поземная деревни Стрелниковы... по смете в обеих четыре десятины»²⁴. В межах с ними находились 3 пожни Чудова монастыря (Дураковка, Плоская, Луковка), пожня шунгенских крестьян Обрамовка, пожня Мытиши посадского человека Давыда Коптева, сенокосная земля Гавриила Онаньина (из какого он сословия в документе не говорится) и пожни неизвестных владельцев Липинская, Татарский брод и др.²⁵

Невдалеке от Тепровского рубежа располагались сенокосные угодья третьего, и весьма небольшого по площади, участка – в районе озера Лубенского и южных предместий дер. Стрельниково. У ипатьевских иноков было здесь 3 пожни: «пожня Лубенка, Потеребец то же, у Лубенсково озера, поземная деревни Корниловки» (3 дес.), пожня Потеребец, «поземная деревни Стрелниковы» (2 дес.) и пожня без наименования, тоже «поземная деревни Стрелниково» (0,5 дес.)²⁶. С ними граничили здесь пожни Чудова монастыря Потеребец, Лубяница, Середняя и Халевин Потеребец²⁷.

(Продолжение следует)

Сергей УТКИН,
старший научный сотрудник музея-заповедника «Костромская слобода»

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. М. 162-195; Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. С., 1982. С. 12-15; Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003. Глава 1.

² Брюсова В.Г. Указ.соч. с. 15-19; Рогов И.В., Уткин С.А. Указ. Соч. С. 18-28.

³ Русский дипломатарий. (Далее-РД). Вып. 7. М., 2001. С. 71-73.

⁴ В настоящей статье пояснения в примечаниях №4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 36, 37, 43 и 47 составлены на основе исследования В.И. Даля. См.: Даль В. П. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.IV. М., 1981-1982 (Репринт. С изд. 1880-1882 гг.).

Грани – приметные вырубки, зарубки на деревьях, означающие прохождение границы находящегося здесь владения.

⁵ Межевая яма, где зарыт, для признака, уголь, который не гниет.

⁶ Изгородь, огорода вокруг выгонов, лесная межа, отсекаемая от скота.

⁷ Низменность, природная впадина различного вида на земле.

⁸ Дерево ольха.

⁹ РД Вып. 7. С. 72.

¹⁰ Там же, с. 75.

¹¹ Там же, с. 117-137 (№49).

¹² За пользование такой пожней крестьяне указанного селения платили оброк.

¹³ Мера земли. Казенная десятина, тридцатка или сороковка, длины 80 сажень, поперек 30, или 60 и 40, т.е. 2400 квадр. Сажень.

¹⁴ РД. Вып. 7. С. 118-119.

¹⁵ Там же, с. 120.

¹⁶ Подробнее о роде бояр Адашевых см.: Русский биографический словарь. Том I. М., 1999 (Репринт с изд. 1896 г.). С. 62-71 (статья НЛ Лихачева).

¹⁷ РД. Вып. 7. С. 118.

¹⁸ Там же, с. 120.

¹⁹ Там же, с. 119.

²⁰ Там же, с. 118-119.

²¹ Там же, с. 118-120.

²² Там же, с. 117.

²³ Там же, с. 121.

²⁴ Там же, с. 117.

²⁵ Там же, с. 117,121.

²⁶ Там же, с. 118.

²⁷ Там же.

*Приглашаем на тематические программы
и экскурсии в музей-заповедник*

«Костромская слобода»:

Кострома. ул. Просвещения, 1 б.

www.kostrosloboda.ru

Телефоны для заказа экскурсий:

(4942) 37-25-73; 37-25-04

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

КАЛЕНДАРЬ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ И ОБЫЧАЕВ

14 СЕНТЯБРЯ. СЕМЁН-ДЕНЬ.

Время с Семёна-дня по 21 сентября называется бабьим летом. С Семёна-дня начинали раньше сушить и мять лён. С Семёна-дня до Гурия (28 ноября) продолжались свадебные недели.

21 СЕНТЯБРЯ. РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ. ОСЕНИНЫ.

Как и в день весеннего равноденствия, в этот день обновлялся в избах огонь – старый гасили, а новый возжигали. Отмечался праздник хождением в гости, широким хлебосольством. Обязательным считалось приглашение молодых к родителям на семейное застолье в честь урожайной осени.

24 СЕНТЯБРЯ. ФЕДОРА, ЗАМОЧИ ХВОСТ.

В Федору лето кончается, осень начинается.

27 СЕНТЯБРЯ. ВОЗДВИЖЕНЬЕ.

Птицы в отлёт двигаются, медведь залегает в берлогу, змеи прячутся и впадают в спячку. По крестьянскому поверью в этот день нельзя начинать никакого важного или значительного дела.

30 СЕНТЯБРЯ. СОФЬЯ, ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

Всесветные бабы именины.

2 ОКТЯБРЯ. ЗОСИМА – ЗАСТУПНИК ПЧЁЛ. ТРОФИМ.

Готовят к зиме улья, последний раз в году собирают мёд. Устраивали раньше в этот день Трофимовские вечерки – смотрины будущих женихов.

8 ОКТЯБРЯ. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ.

С Сергия начинается, а с Матрёны зимней (22 ноября) устанавливается зима.

9 ОКТЯБРЯ. ИОАНН БОГОСЛОВ.

Наставник живописного, иконного дела, так как по преданию из обычного пастуха гусей чудом сделал искусного иконописца.

14 ОКТЯБРЯ. ПОКРОВ.

На Покров земля снегом покрывается. С Покрова крестьяне начинали конопатить свои избы. Начало девичьих посиделок, на посиделках основным занятием было прядение.

18 ОКТЯБРЯ. ХАРИТИНЫ – ПЕРВЫЕ ХОЛСТИНЫ.

Быбы садились за ткацкие станы. Ткали первый холст.

27 ОКТЯБРЯ. ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА.

Параскева считается покровительницей женских зимних ремёсел, в первую очередь подготовки пряжи. Мнут льны.

31 ОКТЯБРЯ. ЛУКА.

Исстари евангелист Лука почитается наставником иконной живописи.

4 НОЯБРЯ. КАЗАНСКАЯ.

Важная дата в крестьянском календаре. Казанскую почитали как бабью заступницу. Считалось, что кто на этот праздник женится, тот счастлив будет.

8 НОЯБРЯ. ДМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ.

Дмитриев день. Повсеместно на Руси в этот день справляли поминки по усопшим. Дмитриевская неделя называлась родительской, дедовой. Устраивались тризны с богатым угощением на могилах родных.

14 НОЯБРЯ. КУЗЬМА-ДЕМЬЯН-РЕМЕСЛЕННИК, КУРЯТНИК.

Кузминки. Кузьма и Демьян слывут в народе кузнецами. Поэтому они считались покровителями кузнечного искусства и женского рукоделия. С этого дня забивают кур для запасов и на продажу.

ЖУРНАЛА

О С Е Н Ъ

27 НОЯБРЯ. ФИЛИПП.

Конец свадебным неделям. Филиппово заговенье. Кудельница – первая неделя прядения в Филиппов пост. Женщины до глубокой ночи чесали, дергали, сучили, наматывали пряжу.

Читайте в следующем выпуске:

- О МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ КОНКУРСЕ ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЫ «ЛЕС-ЧАРОДЕЙ», который проводится в музее-заповеднике «Костромская слобода» при поддержке Министерства культуры РФ.
- «Хорошая работа два века живёт» - таков логин этого традиционного для Костромской области проекта с участием народных мастеров из Галича, Шарьи, Кадыя, Вохмы, Костромы и Ярославля.
- Как приготовить к традиционному празднику «ОСЕНИНЫ» капустные угощения.
- О праздновании регионального этапа Эстафеты Олимпийского огня с участием артистов ландшафтного исторического театра «РЯД» и фольклорного коллектива «МАТИЦА» сотрудников музея-заповедника.
- Конкурсные этнографические программы народного праздника КУЗЬМИНКИ: «Каша из топора» и «Огненный круг»- конкурс кузнечного мастерства.

Костромская
СЛОБОДА №2
2013
ЛЕТО

Редактор

Татьяна Гончарова
Тел. 8 962 189 60 08
E-mail: kostsloboda-us@mail.ru

Верстка и дизайн

Татьяна Свешникова

Художник

Ольга Швейцер

Фотокорреспондент

Александр Журавлев

Издательский проект

Костромского архитектурно-этнографического
и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»

Фото

Алексея Нитецкого, Александра Журавлева,
Татьяны Гончаровой, Марины Крыловой, Людмилы
Николаевой, а также из архива музея-заповедника
«Костромская слобода», из фондов КИАХМЗ, архива
КСНРИПМ и частных коллекций.

Издание осуществлено на средства
Костромского архитектурно-этнографического
и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»

При использовании материалов журнала
и их фрагментов ссылки на издание обязательны.

Адрес редакции:

156005, Кострома, Молочная гора, д.5
Тел., факс (4942) 31-28-23
Сайт: <http://www.kostrsloboda.ru>

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА

155004, КОСТРОМА, УЛ. ПРОСВЕЩЕНИЯ-16. ТЕЛ.: (4942) 37-88-72. ФАКС: (4942) 37-25-73

